

ДУШОЙ И ТЕЛОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Li Si

18+

LI SI

Душой и телом

<https://litres.ru/74574744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я провела в этом особняке долгие годы, будучи невидимой тенью. Научилась ходить бесшумно, опускать глаза и ненавидеть того, кто когда-то крал мои поцелуи только ради того, чтобы увидеть, как я краснею от злости. Артур уехал, забрав с собой мой страх, но сегодня он вернулся — с холодным блеском в глазах и намерением сделать меня своей собственностью. Мой восемнадцатый день рождения должен был стать днем свободы. Но, кажется, он станет началом моего заточения.

#собственник #холодныйгерой #бунтарка
#вынужденноесоседство #любовныйтреугольник
#психологическаядрама #встречачерезгода #второйшанс

История Платона в отдельном самостоятельном романе "По неосторожности" #

Содержание

Глава 1: Трагедия и переезд	4
Глава 2: Завтрак с чужими	18
Глава 3: Гостеприимство	28
Глава 4: Игры хищников	44
Глава 5: Защита	57
Глава 6: Игры в молчанку	67
Глава 7: Глоток свободы	76
Глава 8: Попытки бегства	93
Глава 9: Совершеннолетие	101
Глава 10: Возвращение короля	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

LI SI

Душой и телом

Глава 1: Трагедия и переезд

Мой мир закончился не грохотом, он не взорвался в одночасье, как показывают в дешевых сериалах по вечерам. Он заканчивался тишиной. Такой густой, вязкой, удушающей тишиной, в которой вдруг становится невозможно сделать вдох, а каждый новый глоток воздуха царапает горло, словно битое стекло.

В этот теплый майский день небо было неприлично голубым. Оскорбительно ярким для того, кто только что потерял саму суть своего существования. Таким небо бывает только в рекламе идеальной жизни — жизни, к которой я больше не имела никакого отношения. Мои пожитки были упакованы в два побитых жизнью чемодана и школьный рюкзак с учебниками. Любимый свитер, накинутый на плечи, несмотря на жару, был пропитан едва уловимым, но таким родным маминым парфюмом с нотками полевых цветов, в руках была фоторамка с треснувшим стеклом и живой фотографией обнимающихся родителей. Стекло лопнуло в ночь, когда мой мир превратился в грудку искореженного металла на трассе. И не от того, что оно было в момент столкновения внутри маши-

ны. Это стало результатом того, что я крепко прижала рамку, пытаясь почувствовать тепло любимых, которых уже не было рядом. Это был единственный якорь, удерживающий меня в реальности, где мама и папа еще существовали и радостно улыбались, глядя на меня прямо из фотографии.

И вот спустя несколько этапов скорби, прощания и бесконечных процедур оформления, я сидела на заднем сиденье чужого черного «Мерседеса», прижавшись лбом к прохладному стеклу и с трудом осознавая как тут оказалась. Я не помнила сколько прошло дней после смерти родителей. Эти дни проходили яркими вспышками отдельных событий под неизменный гул в ушах в состоянии анабиоза. Пейзаж за окном менялся: шумный город сменился пригородом, а затем — бесконечными элитными поселками, где заборы были выше человеческого роста, а деревья подстрижены с такой математической точностью, что казались пластиковыми. Водитель молчал. У него был строгий, жесткий профиль, и он смотрел на дорогу так, будто вез не ребенка, а опасный груз. Я тоже молчала. У меня внутри была выжженная, мертвая пустыня. В тринадцать лет ты еще не умеешь правильно горевать. Ты просто чувствуешь, как внутри тебя что-то систематически ломается, превращаясь в острые осколки, которые будут резать тебя изнутри при каждом случайном движении души.

Мамы и папы больше не было. Помню, как похороны прошли в душном, как на чердаке летом, помещении. Затем ме-

ня забирали социальные службы, заполняли бесконечные бумаги, задавали вопросы, на которые у меня не было ни сил, ни желания отвечать. А потом появилась она. Анна Николаевна. Моя бабушка. Женщина с прямой спиной и глазами цвета холодного, полированного камня, которую я видела лишь на старых, пожелтевших фото в альбоме мамы. Она приехала не для того, чтобы укутать меня в плед и шептать слова утешения. Она приехала как деловой партнер, закрывающий убыточную сделку.

И да, она совсем не плакала. Лишь крепко, ненадолго жала мое плечо, когда оформляла опеку, и в этом жесте было больше холодного расчета, чем родственной привязанности.

Её руки были сухими и пахли чем-то аптечным. «Мы едем в поместье, — сказала она тогда, не глядя мне в глаза. — Ты будешь жить там, где работаю я. И, Есения, забудь об истериках. В доме Александровых ценят тишину и субординацию. Твои детские слезы там никому не нужны. Если ты хочешь выжить — научись быть невидимой». Эти слова эхом отдавались в моей голове, пока машина скользила по идеальному асфальту.

Поместье Александровых появилось на горизонте внезапно, словно выросло из-под земли, как декорация к фильму о богачах. Огромные кованые ворота, украшенные вензелями, распахнулись с тяжелым, металлическим стоном, приглашая меня внутрь. Я смотрела на этот особняк — настоящий дворец в неоклассическом стиле, утопающий в идеаль-

ной зелени — и чувствовала, как внутри меня растёт страх. Этот дом был больше похож на крепость или клетку, о которой я ничего не знала, но уже ненавидела всем сердцем. Мне было тринадцать, и я чувствовала, что здесь окончательно и бесповоротно потеряю маленькую, счастливую девочку, которой была ещё неделю назад.

Когда машина затормозила перед парадным входом, я затаила дыхание. Воздух здесь казался другим — стерильным, чистым, пропитанным ароматами богатства и подстриженного газона. Здесь даже птицы пели как-то аккуратно, словно по графику, составленному управляющим.

— Не стой столбом, — отрезала бабушка, выбираясь из машины. — Твоя комната в блоке для персонала, в цокольном этаже. Окна выходят в сад. Это привилегия, которую мне удалось выбить, так что не вздумай жаловаться. И надень что-нибудь приличное. Ты выглядишь как оборванка, а в этом доме первое впечатление определяет всё.

Я шла за ней, вцепившись в ремешок сумки так, что побелели костяшки. Внутри меня всё кричало о том, что я хочу домой. В нашу маленькую квартиру с запахом книжной пыли, с теплым светом торшера, с мамиными пригоревшими блинами, которые мы ели воскресным утром, смеясь над мелкими неудачами. В наш мир, который был настоящим. Где я была дочерью, а не «довеском» к экономке. Где любовь была бесплатной, а не купленной ценой молчания.

Когда мы вошли в холл, я едва не споткнулась. Мрамор-

ный пол блестел так, что в нем отражалась гигантская люстра, похожая на застывший водопад из кристаллов. Вокруг было столько пространства, что оно казалось чужим и враждебным.

— Анна Николаевна? Вы вернулись? — раздался мягкий, мелодичный голос сверху.

На лестнице появилась женщина. Она выглядела безупречно: тонкие черты лица, идеально уложенные волосы, платье, которое стоило больше, чем весь мой гардероб. Она спустилась вниз, и я невольно сжалась, стараясь стать как можно меньше, раствориться в этом блеске.

— Елена Александровна, — бабушка склонила голову, и я впервые увидела, как её уверенная осанка сменяется подбострастием. Это зрелище ударило меня сильнее, чем осознание сиротства. Моя бабушка, которая показалась мне скалой, здесь превращалась в пыль. — Простите за задержку. Вот, привезла внучку.

Женщина подошла к нам, и от неё пахло дорогими духами — чем-то сладким, с нотками свежести и уверенности в себе. Она остановилась прямо передо мной и на секунду прикрыла глаза, изображая театральную печаль.

— Ох, бедное дитя, — прошептала она, и её голос был настолько участливым, что я едва не поверила в искренность. Она протянула руку и осторожно коснулась моего подбородка, заставляя поднять взгляд и посмотреть на себя. Её пальцы были прохладными и невероятно мягкими. — Такая ма-

ленькая и несчастная. Боже, сколько боли в этих глазах.

Я молчала. В её глазах я видела не жалость, а какое-то странное удовлетворение — словно она подбирала с улицы бездомного котенка, чтобы украсить им свой сад. Я чувствовала себя экспонатом в её частной коллекции добродетели.

— Анна, вы же знаете, я не могла позволить вам оставить её в детском доме, — продолжала Елена, улыбаясь мне как фарфоровой кукле. — Есения, верно? Ты будешь жить здесь. У нас прекрасная библиотека, отличная школа. Мы позаботимся о тебе, как о родной. Ты ведь теперь часть нашего дома.

— Спасибо, — тихо выдавила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от этой фальшивой доброты. Я хотела сказать, что не хочу быть «родной», что я хочу просто быть собой, но слова застряли в горле.

— Ну же, улыбнись, — её пальцы чуть сильнее сжали мой подбородок, напоминая тиски, скрытые бархатной перчаткой. Она смотрела прямо мне в душу, и я видела, что за её улыбкой скрывается расчет. — У тебя теперь всё будет: одежда, еда, образование. Ты только будь послушной девочкой. Анна Николаевна очень предана нам, и мы не хотим разочаровываться в её семье. Понимаешь? Твоя бабушка — наш самый верный и доверенный человек. И ты станешь такой же.

Она отстранилась, поправила мой воротник так, словно я была не живым человеком, а вещью, которую нужно приве-

сти в порядок. В этом жесте было столько пренебрежения, что я с трудом сдержала слезы.

— Анна, проводи её в комнату. Пусть отдохнет. И дай ей чего-нибудь вкусного из кухни, она выглядит такой изможденной. Ты ведь хочешь, чтобы она выросла настоящей леди, не так ли?

Когда Елена ушла, грациозно ступая по мрамору, бабушка выпрямилась. В её глазах не было никакой нежности. Она посмотрела на меня так, будто я была её главным проектом, который требует немедленной коррекции.

— Ты слышала её? Она проявила к нам невиданную милость. Ты должна быть благодарна, Есения. Здесь нельзя быть просто ребенком. Ты должна соответствовать уровню этого дома. Никаких капризов, никаких расспросов. И помни: доброта Александровых — это их право, а наша обязанность — отвечать за неё преданностью.

Она повела меня в цокольный этаж. Комната оказалась маленькой. Стены выкрашены в нейтральный бежевый цвет, кровать застелена идеально белым покрывалом. Никаких личных вещей, никакой истории. Окно выходило в сад, где виднелся край бассейна и белые шезлонги, на которых сейчас отдыхало солнце. Я подошла к стеклу. В этот момент из дома вышел парень. Он не заметил меня, просто прошел мимо, направившись к бассейну. На нем были лишь плавки, и солнце играло на его широких, загорелых плечах, на каждой мышце, которая напрягалась при движении. Он был старше

меня, но не больше 20-ти лет, и уже казался хозяином этого мира, человеком, которому дозволено всё.

Я смотрела, как он прыгает в воду, и чувствовала, как внутри меня разрастается странное чувство. Похожее на смесь страха и притяжения к человеку, который даже не знал о моем существовании. Он был воплощением всего того, что я ненавидела: богатства, пренебрежения, надменности. Но одновременно с этим он был самым ярким пятном в этом сером особняке.

— Не пялься, — голос бабушки прозвучал прямо за спиной, отчего я вздрогнула. Я даже не слышала, как она вошла. — Это Артур. Он не из твоего мира, Есения. Здесь у нас свои границы. Это не сказка, и здесь нет принцев для таких, как ты. Есть только хозяева и те, кто на них работает.

Затем она вышла, захлопнув дверь. Щелчок замка прозвучал как приговор. Я осталась одна в темноте, которая начинала сгущаться за окном. В комнате пахло чужими правилами и невысказанным запретом. Здесь, в особняке, где доброта граничит с клеткой, я должна научиться выживать.

Я подошла к своей сумке и достала треснувшую рамку. На меня смотрели мама и папа. Они все еще улыбались — настоящей, живой улыбкой, которой, наверное, никогда не было у Елены Александровой. С трепетом прижала рамку к груди и позволила себе первый вдох.

Я не хотела быть чьим-то «проектом» или благодарным питомцем.

Глядя на воду бассейна, где Артур снова выныривал на поверхность, я поняла, что эта «золотая клетка» уже начала затягивать меня в свои сети. Каждый кирпич этого дома был пропитан чужим величием, а я была лишь пылинкой, которая случайно попала в этот идеальный механизм. Легла на кровать, сжимая в руках края одеяла, и закрыла глаза. Мне снился дом, в котором я была счастлива, но меня уже ждал завтрашний день, который должен был принести только новые уроки смирения. Мой внутренний мир, уютный уголок, где я могла быть собой, медленно разрушался, оставляя на месте пустоту, которую я должна была заполнить чем-то другим. Ненавистью? Амбициями? Или просто желанием сбегать?

Этой ночью я поняла, что больше никогда не буду прежней. Этот дом — Александровых — уже начал менять меня. Он показал мне, что жизнь — это не дар, а сделка. И я, Есения, тринадцати лет от роду, уже была частью этой сделки, даже если ещё не знала её условий. Я смотрела в потолок, и мне казалось, что стены особняка сужаются, сжимая меня в тисках. Завтра будет новый день. Завтра мне придется надеть маску, которую от меня ждут. Но внутри, в самой глубине души, я уже готовила свое оружие.

Тишина особняка казалась мне теперь не мирной, а хищной. Она ждала, когда я сломаюсь и приму их правила, когда стану еще одной «безупречной тенью». Но я не собиралась сдаваться, ни сегодня, ни завтра. В моей душе еще теплилась

искра того дома, который был моим. И пока эта искра горела, я не была побеждена.

Первая ночь в особняке Александровых стала для меня испытанием, которого я не ожидала. Когда дом погрузился в сон, он не стал тише — он начал «дышать». Старое здание издавало странные, пугающие звуки: скрипы паркета, гул вентиляции, отдаленные шорохи, которые в моем воображении превращались в призраков прошлого. А я лежала, глядя в темноту потолка, и чувствовала себя бесконечно маленькой, запертой в коробке, обитой бархатом, но холодной, как склеп.

Мои мысли постоянно возвращались к последнему вечеру дома. Мы ехали с мамой из магазина, и папа шутил, пытаюсь развеселить меня после провальной контрольной по математике. В машине играло старое радио, и мама подпевала, не попадая в ноты. Тот вечер был таким обыденным, нелепо счастливым, что сейчас, лежа в этой чужой постели, я хотела закричать от боли. Как это возможно? Как мир мог продолжать вращаться, если мои мама и папа больше не видели этого неба?

Я встала с кровати и подошла к окну. Ночной сад выглядел как декорация из готического романа. Тени от деревьев тянулись к окнам длинными, костлявыми пальцами. Я видела, как в глубине сада, в свете тусклых фонарей, гулял сторож, но для меня это было лишь подтверждением того, что я — в тюрьме. Здесь даже уединение было иллюзией.

Мои мысли переключились на бабушку. Мы никогда не были близки. Она всегда была где-то на периферии нашей жизни — редкие звонки и поздравления с днем рождения, сухие наставления маме о том, что нужно «жить по средствам». Теперь, когда её образ жизни — жизнь прислуги в доме богачей — стал моей реальностью, я чувствовала к ней странную смесь жалости и раздражения. Она так отчаянно цеплялась за этот дом и крохи внимания хозяев, что это казалось мне унижительным. «Здесь работают, а не живут», — говорила она. Но ведь жизнь — это не только работа. Жизнь — это право принадлежать себе.

Я подошла к шкафу, где висели мои немногочисленные платья. Они казались здесь нелепыми, какими-то детскими, совсем не подходящими к величию дома и статусу хозяев. Я представила, как завтра буду спускаться по этой лестнице и буду чувствовать на себе любопытные взгляды слуг, которые наверняка шептались обо мне за спиной. «Внучка экономки». Это клеймо. Оно будет преследовать меня до тех пор, пока я не найду способ вырваться.

А этот Артур... его лицо снова всплыло в моей памяти. Я видела его в бассейне — воплощение силы, молодости и вседозволенности. В тот момент, когда он вынырнул, с его волос стекала вода, и он зачесал их назад резким движением. Его глаза на секунду встретились с моим взглядом, до того как бабушка одернула меня. Или мне это показалось? Нет, он точно посмотрел на мои окна. В тот миг я почувствовала

себя так, будто меня ударило током. Я возненавидела его за то, что у него все идеально, и его родители живы, ведь он проживает свою лучшую, счастливую, обеспеченную всем, насколько это возможно, сытую жизнь. И, вероятно, я для него была лишь досадной частью интерьера.

Вернувшись в постель, я зарылась носом в подушку. Она пахла кондиционером, который мне был неприятен — запах искусственной свежести, за которым скрывалась пустота. И закрыла глаза, пытаясь вызвать в памяти голос папы, его смех и наставления. Он всегда знал, как успокоить. «Ты сильная, Есенька, — шептал он мне, когда я падала с велосипеда. — Ты справишься». Сильная. В тринадцать лет это слово казалось таким тяжелым и непосильным. Слезы застилали глаза и текли по щекам. Я бесшумно отпускала свою накопившуюся боль и невысказанные слова. Я должна была доказать, что папа был прав.

За стеной слышались шаги. Кто-то проходил по коридору, вероятно, горничная или ночной охранник. Я затаила дыхание, боясь пошевелиться. В этом доме мне казалось, что даже мои мысли слышны. Каждый шорох заставлял меня вздрагивать.

Я вспомнила школу, своих друзей, те мелкие проблемы, которые казались мне катастрофами еще две недели назад. Как же они были далеки теперь! Оценки, ссоры с подружками, выбор платья на школьный бал... это был другой мир, мир нормальных людей, которым не нужно было каждый

день доказывать свое право на существование. Александровы жили в своем измерении, где статус решал всё, где доброта — это не искренний порыв, а способ продемонстрировать свою власть.

Я понимала, что бабушка никогда не будет на моей стороне. Она слишком боялась потерять всё, что имела. Если придется выбирать между правдой и спокойствием, она, конечно же, выберет покой Александровых. Это осознание стало моим первым уроком выживания. Здесь я могла доверять только себе.

Темнота за окном стала совсем густой. Я видела, как в саду включились датчики движения, и вспыхнул ослепительно белый свет. Он осветил аллею, ведущую к фонтану, который в темноте казался застывшим призраком. Мой дом — этот маленький оазис тепла — остался в прошлом, навсегда закрытый для меня. Теперь моим миром был этот особняк, пропитанный тайнами и негласными правилами.

Я вернулась в постель и сильнее укуталась одеялом, пытаясь согреться. Холод, который исходил от этих стен, казалось, проникал под кожу. Я знала, что впереди у меня долгие годы борьбы. Но я также знала, что завтра наступит утро. И в этом утре я должна буду сделать первый шаг в свою новую, пугающую реальность.

«Ты справишься», — сказал папа. Я шептала эти слова в пустоту комнаты, как молитву. В ту ночь я плакала в последний раз. Потому что училась быть сильной, даже если эта

сила была лишь способом скрыть свою беспомощность. И я училась быть тенью, чтобы когда-нибудь стать кем-то большим, чем просто приживалкой в чужом дворце.

Завтра начнется моя жизнь в этом доме. Жизнь, где каждое слово будет на вес золота, а каждый взгляд — как удар шпаги. Я заснула только на рассвете, когда первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев в саду, окрашивая всё вокруг в золотистый цвет. Впереди был длинный путь, и я еще не знала, что именно здесь, в этом особняке, я встречу того, кто станет для меня моей самой большой болью, и моим единственным смыслом.

Глава 2: Завтрак с чужими

Мое привычное утро всегда начиналось с запаха маминого кофе — аромата, который всегда щекотал ноздри, обещая спокойный день, полный простых домашних дел. Но сегодня, вместо этого, меня выдернул из тревожного сна резкий стук в дверь. Анна Николаевна не стала ждать, пока я приду в себя. Она вошла в комнату, пока я пыталась сообразить, где нахожусь. Я на секунду зажмурилась, надеясь, что, открыв глаза, увижу привычный потолок своей детской, обклеенный белыми обоями, но нет. Серость реальности никуда не делась. Серые стены, казенная обстановка и холодный взгляд бабушки — это всё, что у меня теперь было.

— Вставай. В семь утра завтрак, — проговаривая это, бабушка не смотрела на меня, её внимание было приковано к порядку в комнате, будто она искала признаки моего «несоответствия». — Я не нашла среди твоих вещей приличной одежды. Поэтому пока надень служебную. Твои старые вещи надо будет перебрать.

Я спустила ноги на холодный пол и почувствовала, как внутри всё сжимается от протеста. Так захотелось надеть свои любимые джинсы с потертостями на коленях, спрятаться в объемный свитер, который пахнет домом. Но вместо этого я без возражений натянула строгие брюки и светлую кофту. Форму прислуги, которая колет кожу, пахнет инород-

но и делает меня другой — незаметной и безликой.

Мы шли с бабушкой по коридорам, которые казались мне бесконечными. Я старалась подмечать детали в интерьере, чтобы отвлечься от потока информации о владельцах дома, которым бабушка щедро делилась. Полы по всему маршруту были выстланы ковровыми дорожками, поглощающими звук шагов. В столовой пахло чаем и свежей выпечкой, но от этого запаха к горлу подступала тошнота.

Михаил Александров сидел во главе стола. Его глаза были прикованы к планшету, пальцы быстро бугали по экрану. Он даже не поднял головы, когда мы вошли. А Елена, едва касаясь вилкой яиц, пыталась показать, что каждое её движение — танец грации.

— Милая, как спалось? — её голос звучал как скрипка. Не дожидаясь ответа, она продолжила. — Мы решили, что с осени ты будешь ходить в школу, куда ходят Артур и Леон. Там лучшие преподаватели, учат латыни и верховой езде... Это даст тебе путевку в жизнь, о которой многие мечтают.

— Но я до этого училась по простой программе, — выпалила я, сама испугавшись своей дерзости.

Михаил наконец поднял взгляд. Его глаза, серые и пустые, пронзили меня насквозь.

— Твоя бабушка служит нам уже почти двадцать лет, Есения. Значит, и ты теперь принадлежишь к нашему дому. А в нашем доме не любят полумер. Ты получишь образование,

чтобы стать полезным членом общества, а не балластом. Понимаешь?

— Да, — прошептала я, чувствуя, как кусок хлеба застревает в горле. Я чувствовала себя пришельцем, попавшим на банкет к высшим существам.

После завтрака мы отправились в каморку бабушки. Она выложила передо мной лист бумаги с распорядком.

— Это список задач до начала учебного периода, — сказала она сухо. — С восьми до десяти — помощь в библиотеке. Она тут огромная. Нужно будет вытирать пыль, приводить в порядок помещение. Потом — оранжерея. И так далее по порядку. Забери листок и ознакомься. Первые дни я буду тебя направлять, дальше, думаю, ты быстро и сама разберешься.

— Бабушка, почему? — мой голос сорвался на шепот. Я рискнула спросить о том, о чем думала после завтрака. — Почему я должна учиться в элитной школе? Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Почему я должна прислуживать им? Они ведь на самом деле не хотят меня тут видеть...

Она положила руку на мое плечо.

— Таков твой путь, Есения...

— Какой путь? Почему за меня все решают? Родители не хотели бы такой жизни для меня...

— Ты рассуждаешь совсем не как подросток, и этим ты

очень похожа на свою маму... — ее тон сменился, а в глазах на миг промелькнула искра чего-то похожего на простую человеческую боль. — Ты знаешь, как они погибли, Есения? Мне так и не рассказали подробностей. Это был быстрый удар?

— Сказали, что моментально, — прошептала я, глядя на свои руки и переходя на хрип. — Как будто машина вылетела с дороги. Они даже не поняли, что происходит.

Бабушка кивнула.

— Это хорошо. Милосердно. — Она отвернулась к окну ненадолго. — Тебе надо отсечь эту боль, Есения. Время — единственный лекарь. Не зацкливайся на эмоциях, иначе они сожрут тебя. Александровы — наш с тобой единственный шанс на нормальное существование. Ты должна быть благодарна им. Возможно, ты пока не осознаешь этого в силу возраста, но совсем скоро убедишься в этом.

Она не понимала меня, потому что была поглощена своим страхом. А я, в свою очередь, не понимала ее. Вернувшись в свою комнату, я заперлась и достала старенький смартфон, который сиротливо лежал в чемодане до приезда сюда. Мне срочно нужно было услышать голос родного человека из прошлой жизни. Зарядив его, я первым делом позвонила Полине, моей близкой школьной подруге. Она ответила почти сразу.

— Поль, привет. — Звонко произнесла я, как будто мы

не расставались.

— Сеня! Как я волновалась! Куда ты пропала? Как ты? Я столько тебе писала, звонила, но ты была недоступна. В школе сказали, что...

— Подожди пожалуйста, не так быстро, — произнесла я предательски шмыгающим носом. Я ведь обещала себе быть сильной!

— Ты правда ушла из школы? Сказали, что тебя забрала какая-то бабушка. Я даже не знала, что она у тебя есть?! — Ее голос был так взволнован.

— Да, так и есть, родители... Они... — Так не хотелось произносить это вслух.

— Значит это правда?.. Не могу в это поверить. Где ты сейчас живешь? — Я не выдержала и расплакалась, услышав слова искреннего сочувствия, которого мне так не хватало. Мы обе молча рыдали в трубку. Я слышала шуршание и чувствовала, что Полина обнимала телефон крепко, так же как и я.

И понимание того, что на земле есть еще хотя бы один человек, который был и остается близким, заставило ненадолго заглушить боль от одиночества, давившего на мои плечи последние дни. Вдоволь наплакавшись, я рассказала ей все, что случилось со мной после нашей последней встречи. Разговор плавно перетек на будние вопросы, так не хотелось отрываться от нее, возвращаться в нынешнюю реальность. Я как будто до сих пор была в родном городе, обсуждала с по-

другой мелкие проблемы. Моя милая Поля пыталась отвлечь меня разговорами о школе:

— Я тут с ума схожу от химии, ненавижу эти формулы! Слава богу, осталось несколько дней до каникул...

— Поля, ты не представляешь, как бы я хотела вернуться в нашу школу и учить вместе с тобой эти ужасные формулы... — Мой голос охрип после плача и дрожал, а Поля не перебивала, как будто давала возможность выговориться. — Тут всё как в кино, только в очень плохом. Они хотят сделать из меня «полезного члена общества». Говорят, что буду учиться латыни и верховой езде... Бабуля еще говорит, что одежду будет перебирать. Я чувствую себя куклой, которую наряжают для выставки. Это место... оно давит на меня. Я тут совсем одна...

— Держись, и звони мне по любому случаю, — подбадривала она. — Обещаешь?.. Что мы не прекратим общение? Я так скучаю по тебе!

— Обещаю! Ты тоже пообещай мне пожалуйста. — Во мне говорила надежда.

— Обещаю. — Я почувствовала долю облегчения.

— Я видела одного из сыновей Александровых. Артура. Так странно, жить среди богатых людей.

— И что? Этот Артур тебе что-то сказал? Он наверно сильно высокомерный. Вот, конечно, тебе испытание...

— Я видела его только из окна, — прошептала я. — Но у меня пробежали мурашки. А мне еще, похоже, придется

учиться с ним в одной школе. Он вообще не похож на школьника... Старше выглядит.

— Это все реально напоминает сюжет фильма... — фыркнула Поля. — Ой, мама зовет, я ей обещала помочь пельмени налепить. Мы так долго проболтали. Я побегу. Но ты мне звони, пиши, ладно?

После того, как связь прервалась, тишина комнаты стала осязаемой. Мне было одновременно грустно и радостно на душе. Поэтому я открыла галерею. Позволила себе посмотреть на свежие фото с родителями в парке... Я провела пальцем по их лицам, чувствуя, как тоска сжимает сердце в железный кулак. Размеренная жизнь, где были ужины, домашние задания и простые радости, превратились в пепел. Я листала эти фото снова и снова, пытаюсь удержать в памяти их запах, их голоса, их смех, который казался таким далеким.

Чтобы не дать себе снова уйти в тоску, я открыла шкаф, с намерением сохранить одежду, которую бабушка хотела у меня отобрать. Стянув с вешалок все, что было аккуратно кем-то развешено, за пару часов я перебрала всю одежду, оставив висеть только то, что могла одобрить бабушка, а все остальное аккуратно сложила тонкими слоями под матрас, чтобы никто у меня не отобрал часть моей настоящей жизни. Жизни, которая сделала меня такой, какая я сейчас есть. Жизни, в которой эту самую одежду выбирала со мной моя любимая мама.

Чтобы не задохнуться в тишине комнаты, я вышла в

сад. Аллея яблонь показалась мне единственной отдушиной. Старые и кривые деревья манили к себе. Я шла по траве... Пока слышала хруст веток.

Тот самый Артур стоял в десяти шагах от меня. Он был в легких штанах и майке, в руках — теннисная ракетка. А его взгляд долго оценивал меня, спускаясь с макушки головы до обуви. Я замерла от страха и неожиданности, боясь пошевелиться.

— Заблудилась? — Его голос был тихим, но в нем слышалась насмешка. Я почувствовала себя маленькой и беззащитной. — Что тут забыла?

Он сделал шаг ко мне. Его глаза впились в меня, нагло ощупывая лицо, плечи, талию, грудь, ноги.

— Я просто хотела подышать, — выдавила я, чувствуя, как щеки горят от растерянности.

— Дыши в другом месте и больше не попадайся мне на глаза.

Он прошел мимо, намеренно задев меня плечом. Я осталась стоять среди яблонь, чувствуя, как по щекам катятся слезы. И в этот момент я возненавидела его, этот дом и жизнь, где я была лишь тенью. Посмотрев ему вслед, я замечталась о том, чтобы оказаться на кухне в доме Полины и вместе с ней лепить пельмени. Горло перехватило от невысказанной злости.

Простояв так долгое время, двинулась дальше, когда последний отголосок присутствия Артура не растворился в вечернем воздухе. Ветер колыхал ветвь, и я слышала их шелест — они казались мне единственными живыми существами в этом саду. Я вспомнила, как папа рассказывал мне про то, что каждое дерево имеет свою память. Если это правда, то скорее всего эти старые деревья видели много боли — такой же, как и моя. Остановившись у основания одной из них, я опустила на колени, упираясь руками в траву. Затем вытерла лицо тыльной стороной ладони, стирая остатки высохших слез, стягивающих щеки. Я не задумывалась о том, что пачкаю лицо, оставляя на коже грязные следы от земли и зелени. Мне было плевать на то, как я выгляжу. Впервые с момента переезда я позволила себе не быть «удобной».

Я посмотрела на окна особняка, в которых начали загораться огни. Там, внутри, кипела жизнь. А я хотела назад, в свою маленькую комнату и простую прежнюю жизнь с заземленными мечтами.

— Я не стану такой, как вы, — прошептала в темноту, и мой голос прозвучал удивительно твердо. — Я не стану частью вашего мира.

Поднялась на ноги, отряхнула брюки и еще раз напоследок посмотрела на особняк. Он всё еще казался мне золотой клеткой, но теперь в этой клетке я видела и трещины. И я знала, что рано или поздно, я найду способ расширить эти трещины до того, пока не рухнут стены. Может Артур и ви-

дел перед собой маленькую девочку, и думал, что я слабая, что сломаюсь от его напора и агрессии. Но именно в этот момент я начала взрослеть. И поэтому он ошибался. Я была сильнее, чем он мог себе представить. И моя ненависть к нему была лишь топливом, которое поможет мне выжить в этом доме.

Ветер стал холоднее, и я зябко передернула плечами. Пора было возвращаться. Впереди меня ждал ужин в чужом доме, долгий и холодный вечер в комнате, где я была абсолютно одинока. Но теперь я знала: я больше не буду просто ждать. Я буду учиться, наблюдать, копить силы. И когда придет время, вырвусь из этого места.

Глава 3: Гостеприимство

Следующим утром последовал уже привычный стук в дверь. Анна Николаевна вошла без приглашения. Я в этот момент сидела на краю кровати, вцепившись в одеяло.

— Надеюсь, ты уже пришла в себя, — голос бабушки прозвучал безэмоционально. — Постоянно прятаться в комнате не получится, здесь не пансионат для благородных девиц, где можно предаваться меланхолии до обеда. Возьми за привычку вставать в семь утра самостоятельно, без моих напоминаний. Выходи на завтрак на кухню, где кушает вся прислуга. Сегодня я познакомлю тебя со сменой, и ты начнешь свой первый рабочий день.

Она подошла к шкафу, распахнула дверцы, изучая полки. Её взгляд задержался на пустых вешалках.

— Куда делась одежда? Её было больше.

Я не отвела взгляда, хотя внутри всё дрожало.

— Вчера я пыталась отвлечь себя от плохих мыслей. Перебрала одежду и выкинула то, что мне больше не нужно. Хлам, бабушка. Мне эти вещи напоминают о доме, а здесь они мне ни к чему.

Бабушка скептически поджала губы. Она смотрела на ме-

ня долго, как будто пыталась разгадать, что именно я пытаюсь скрыть. Но затем, ничего не сказав, отвернулась.

— Оденься и приходи в столовую, где завтракала вчера. Я встречу тебя там и отведу на кухню.

Как только дверь закрылась, я достала из-под подушки смартфон и открыла сообщение от Полины: «Сеня! Как ты? Напиши хоть что-нибудь!»

Слабо улыбнувшись и ответив ей, быстро оделась и пошла к бабушке. Она, как и обещала, ждала меня у входа. Молча повела меня через небольшой коридор, и мы оказались в одной из главных комнат дома. Кухня поражала своими размерами. Здесь было шумно, горячо и пахло чесноком, специями и свежим хлебом. Бабушка представила меня работникам. Там были Марта — это повар, чье лицо было добродушным и обсыпанным мукой — двое помощников, которые тут же приветливо кивнули, садовник и пара горничных. Я не запомнила всех имен сразу, но почувствовала, что здесь атмосфера гораздо дружелюбнее, чем в холле с мраморными полами.

За завтраком, когда бабушка отошла по делам, я познакомилась со всеми поближе. Они расспрашивали меня о доме, о том, как я привыкаю. Я ожидала встретить здесь чопорность, но персонал оказался на удивление милым. Они начали рассказывать о семье Александровых, и я поняла, что у них свое, «кухонное» мнение обо всей семье хозяев.

— Они высокомерные, конечно, — призналась Марта, помешивая кофе. — Но это единственный минус. В остальном они очень комфортные люди, если знать свое место. Ты не переживай, здесь тебя никто в обиду не даст, если сама будешь вести себя по-людски.

Я слушала их, удивляясь. Они воспринимали этот особняк не как место работы, больше даже как место для обычной жизни. Бабушка вернулась, прервав наши разговоры:

— Есения, в следующий раз поможешь накрыть стол для хозяев. Начнешь с обеда. А сейчас идем со мной.

Мы отправились в библиотеку.

— В следующий раз одень черные брюки и серую или черную футболку, — наставляла она по пути. — Это не требование хозяев, но тут так принято, в случае если нет униформы под рукой. Чтобы не бросаться в глаза.

Библиотека встретила нас запахом старой бумаги. Она показала, где лежит инвентарь для уборки.

— Библиотека — частое место посещения. По вечерам здесь остаются бокалы, тарелки, крошки. Всё это нужно убирать, чтобы с утра здесь царил идеальный порядок.

Мы начали уборку, и в этой тишине бабушка вдруг стала откровеннее.

— У тебя осталась квартира от родителей, — тихо сказала она, вытирая пыль с корешков книг. — Ты получишь её, когда тебе исполнится восемнадцать. Но если хочешь, в редкие отгулы мы можем ездить туда вдвоем, чтобы... чтобы просто побыть там.

Я спросила, где территориально находится этот особняк, где мы сейчас живем, и узнала, что мы недалеко от моего родного города. Она объяснила мне, как я буду ездить в новую школу, поинтересовалась моим телефоном и записала номер.

— Я твой опекун, поэтому все твои финансовые затраты на мне. Если есть потребность в деньгах на личные нужды, просто спроси у меня нужную сумму, — закончила она и добавила. — Постарайся не видеть во мне врага, Есения. Я понимаю, что мы с тобой мало знаем друг друга, но обстоятельства сложились так, что мы являемся практически единственными близкими родственниками. И раз уж судьба свела нас, нужно извлечь из этого то, что она заготовила для нас обеих.

После уборки она ушла по своим делам, оставив меня одну. До обеда я просидела в своей комнате, разглядывая пустые стены. Так или иначе эта комната становилась островом безопасности для меня. Когда пришло время обеда, я вышла помогать накрывать на стол. Лиза, одна из горничных, была

словоохотлива. Она рассказала про сыновей хозяев:

— Старший, Артур, ему восемнадцать, он серьезный парень, учится много. А младший, Леон... ему пятнадцать. Ох, избалованный он, держись от него подальше. И друзья у них такие же, как они сами.

Я была удивлена. Почему мне Артур показался таким агрессивным, если все называют его спокойным и рассудительным? А Леона я уже начала бояться заранее. После того как мы закончили накрывать, я пообедала на кухне с остальными, чувствуя странную двойственность: я была здесь, среди прислуги, но мысли мои всё еще были там, за стеной, где ели Александровы.

После спешного обеда бабушка не дала мне времени на передышку.

— Идем, Есения, — не оборачиваясь, бросила она. — На сегодня у нас еще много работы. Нам нужно привести в порядок оранжерею. Елена Александровна очень трепетно относится к своим растениям, и малейшая халатность с нашей стороны будет воспринята как личное оскорбление.

Я послушно побрела за ней по длинным, выстланным коврами коридорам первого этажа, пока мы не уперлись в тяжелые стеклянные двери, обрамленные кованым железом. Бабушка толкнула одну из них, и меня мгновенно окутало влажность и тепло.

Я замерла на пороге, не в силах сделать вдох. Оранжерея

Александровых была не просто стеклянной пристройкой — это был настоящий затерянный мир, скрытый под огромным куполом. Высоко над головой перекрещивались тонкие металлические балки, удерживающие сотни стеклянных пластин, сквозь которые мягко лился солнечный свет. Воздух здесь был плотным, напоенным ароматами влажной земли, коры и дурманящим, сладким запахом сотен цветов

Повсюду, куда ни бросишь взгляд, тянулись каскады зелени. Гигантские папоротники раскинули свои кружевные ветви, словно зеленые веера; диковинные лианы обвивали искусственные гроты из дикого камня, по которым тонкими струйками стекала вода, собираясь в небольшом круглом пруду в самом центре. Но главным сокровищем этого места были орхидеи. Они цвели везде: свисали из подвесных корзин, цеплялись корнями за куски коры, распускались на специальных стеллажах. Черные, белоснежные с тигровыми прожилками, нежно-розовые и ядовито-фиолетовые — они казались живыми, но застывшими в безмолвном великолепии.

— Красиво, правда? — тихо, почти шепотом спросила бабушка. В её голосе на мгновение проступило что-то человеческое, мягкое. — Это любимое место хозяйки. И теперь это твоя забота тоже. За всеми этими растениями ухаживает ботаник Вероника. Но она приходит раз в неделю, тебе же надо будет ей просто помогать поддерживать уход.

Я молча кивнула. Здесь, среди этого буйства природы, я

почувствовала себя чуть свободнее. Растениям было всё равно, кто я — внучка экономки или наследница миллионов. Они просто украшали своей красотой помещение и не ждали от меня ничего особенного.

Бабушка быстро и четко объяснила мне мои обязанности. Нужно было аккуратно протирать широкие листья от пыли специальным мягким спонжем, следить за влажностью почвы в горшках и опрыскивать их корни из пульверизатора.

— Будь аккуратна, — предупредила она, собирая свои папки. — С ними нужно бережно. Закончишь с этой секцией — можешь идти в комнату. Я буду у себя.

Она ушла, тихо прикрыв за собой стеклянную дверь, а я осталась наедине с этим зеленым безмолвием.

Время потекло незаметно. Сначала мне было страшно, но постепенно движения стали уверенными, почти медитативными. Я осторожно поддерживала снизу бархатистые листья, стирая с них невидимые пылинки, и сама не заметила, как начала разговаривать с ними. Тихо, едва слышно, делась тем, что не могла сказать никому другому.

— Тебе, наверное, тоже здесь тесно? — шептала я маленькому нежно-розовому цветку, бережно расправляя его воздушные корни. — Стекло сверху красивое, но оно ведь не пропускает настоящий дождь, правда? И ветер здесь ненастоящий...

Я так увлеклась, что совершенно потеряла счет часам. Влажный воздух оранжереи успокаивал, стирая из памяти

колючие взгляды. Мне казалось, что я нахожусь внутри кокона, куда никто не сможет проникнуть.

— Это место моей силы, — раздался за моей спиной женский голос.

Я вздрогнула, едва не выронив пульверизатор, и резко обернулась. На дорожке из гравия стояла Елена Александровна. На ней было легкое домашнее платье из шелка цвета шалфея, а волосы были небрежно заколоты на затылке золотой шпилькой. Она смотрела на меня без своей обычной светской маски — её лицо казалось мягче, а в глазах светилась искра.

— Простите, я не слышала, как вы вошли, — испуганно пробормотала я, прижимая флакон к груди и делая шаг назад.

— Не бойся, — Елена слабо улыбнулась и подошла ближе, протягивая руку к той самой розовой орхидее, с которой я только что говорила. Её тонкие пальцы с безупречным маникюром нежно коснулись лепестка. — Я часто прихожу сюда, когда мир снаружи становится слишком шумным. Растения — лучшие собеседники. Они никогда не врут и не требуют от тебя того, чего ты не можешь дать.

Я смотрела на хозяйку дома и ловила себя на странной мысли: сейчас, без своей театральной показушности, она казалась мне совсем другой. Да, в ней оставалась какая-то дистанцированность и врожденная высокомерность женщины, которая никогда не знала нужды, но в ней не было зла. Она

действительно любила этот сад.

— Принеси мне чай, Есения, — мягко попросила она, присаживаясь в одно из ротанговых кресел, стоявших у пруда. — В белом фарфоровом чайнике. И две чашки.

Я поспешно кивнула и с облегчением выскользнула из оранжереи. Тишина коридора показалась мне спасением. На кухне я быстро отыскала нужный сервиз с помощью Марты — тончайший, почти прозрачный фарфор с золотой каемкой, она же заварила и ароматный травяной чай, а я с максимальной осторожностью понесла поднос к Елене. Мои руки слегка дрожали, я так боялась разбить эту невероятно дорогую посуду.

Вернувшись в оранжерею, аккуратно поставила поднос на низкий столик между креслами. Налила чай в чайник, поставила чашки и уже собиралась тихо уйти, сделав шаг назад, как Елена остановила меня движением руки.

— Останься, — властно произнесла она. — Присаживайся. Выпьем чаю вместе.

— Но... Анна Николаевна сказала, что... — замялась я.

— Я ведь сама прошу тебя составить мне компанию, — мягко прервала меня Елена, указывая на соседнее кресло. — Садись.

Молча, стараясь не шуметь, я опустилась на край кресла. Мое тело было напряжено. Я сидела, выпрямив спину, и смотрела на пар, поднимающийся от чашки.

Елена сделала глоток, прикрыв глаза от удовольствия.

— Я сама привезла большинство этих орхидей из поездов, — негромко начала она, глядя куда-то сквозь меня. — Из Таиланда, из Южной Америки. Многие не верили, что они приживутся здесь, в нашем климате. Но если дать им достаточно тепла и заботы, они способны адаптироваться к любым условиям. Совсем как люди, правда?

Я молча слушала её монолог. Она рассказывала о своих путешествиях, о своих других увлечениях, которые давно забросила. Это было очень странно и непривычно. Наконец она допила чай, изящным движением поставила чашку на блюдце и поднялась.

— Спасибо за компанию, Есения, — её голос снова приобрел легкую прохладу. — Убери, пожалуйста, посуду. И продолжай работу, у тебя хорошо получается.

Она ушла, оставив меня наедине с непонятным чувством внутри. С одной стороны, я была тронута её доверием, а с другой — это лишь сильнее подчеркивало мою изоляцию. Я была для неё безопасным слушателем именно потому, что мой голос здесь ничего не значил. За весь свой долгий рассказ она ни разу не спросила меня о чем-либо, просто делилась событиями из жизни и своими мыслями.

Я принялась собирать чашки на поднос, когда стеклянная дверь оранжереи снова распахнулась, но в этот раз с та-

кой силой, что стекла слегка зазвенели. В помещение вошел Леон. За его спиной маячили двое его друзей — такие же шумные подростки с надменными лицами. В руках у одного из них был мяч.

— О, глядите-ка! Ты же новенькая внучка прислуги, да?
— Леон остановился, засунув руки в карманы свободных спортивных брюк. На его лице играла неприятная усмешка.

Я замерла, сжимая в руках фарфоровое блюдце. В памяти всплыли предупреждения Лизы и бабушки: «Леон — это беда. Держись от него подальше».

— Я с тобой разговариваю, глухая! — Леон сделал шаг ко мне, его друзья загоготали за его спиной. — Принеси нам попить. Быстро.

Я изо всех сил старалась сохранять спокойствие, как причитала бабушка. Опустила глаза, стараясь не смотреть на него.

— Я... я должна убрать посуду Елены Александровны, — тихо произнесла я. — Извините.

— Извините? — Леон издевательски перекинул мой голос. — Слышали, пацаны? Она извиняется. Послушай меня, приживалка. Ты здесь никто. Твоя бабка вылизывает этот дом, и ты будешь делать то же самое. Если я говорю принести пить — ты бросаешь свои чашки и бежишь выполнять. Поняла?

Он подошел вплотную, протянул руку и намеренно, рез-

ко толкнул поднос, который я держала. Я не успела среагировать. Посуда соскользнула с гладкой поверхности. Грохот разбивающегося сервиза показался мне оглушительным взрывом. Осколки некогда прекрасных чашек веером разлетелись по гравию, смешиваясь с пролитым чаем.

Друзья Леона разразились громким хохотом.

— Ой, какая жалость! — Леон прижал руки к щекам. — Мамочкин любимый сервиз. Ну ты и безрукая корова. Что, бабка не научила тебя держать поднос?

Внутри меня поднялась волна ярости. Я сжала кулаки, тяжело дыша, готовая высказать этому избалованному ублюдку всё, что о нем думаю. И плевать на последствия.

— Что здесь происходит?! — раздался резкий выкрик.

В оранжерею влетела Анна Николаевна. Её лицо было перекосенное, глаза округлились при виде осколков на полу.

— Леон, дорогой, что случилось? Ради бога! — бабушка подскочила к нему, заискивающе заглядывая в глаза, и у меня внутри всё перевернулось от омерзения к этой сцене. — Она совсем девчонка! Я всё уберу, иди в комнату Есения!

— Да ладно, Анна Николаевна, — Леон лениво улыбнулся, пиная носком кроссовка крупный осколок чашки. — Просто держите свою дикарку на привязи.

Бабушка резко повернулась ко мне.

— Иди! Бегом!

Я вырвала руку, едва не задохнувшись от обиды. Развернулась и бросилась бежать. Слезы душили меня, застилая глаза, я не видела дороги, просто стремилась оказаться как можно дальше от этого проклятого места и унижения. Вбежала в узкий коридор, ведущий к жилым блокам персонала. Из-за слез не заметила, как из-за поворота вышла высокая фигура. Кто-то двигался в полутьме не спеша, но когда я попыталась пролететь мимо, намеренно сделал полшага в сторону, перекрывая мне путь.

Я со всего маху врезалась плечом в жесткую грудь. Сила удара была такой, что меня отбросило назад, но я не успела упасть. Две крепкие ладони перехватили меня за талию, рванули на себя и с силой прижали к стене коридора. Спина отозвалась болью от столкновения с холодной поверхностью.

Надо мной нависал Артур.

Его лицо было близко. Я чувствовала тепло, исходящее от его тела. Он тяжело дышал, а грудная клетка вздымалась, соприкасаясь с моей.

— Ты совсем страх потеряла? — голос был хриплым, вибрирующим от едва сдерживаемой злости. Он сжал мою талию сильнее, пальцы почти впились в кожу сквозь тонкую кофту. — Я кажется ясно тебе дал понять — не попадаться мне на глаза. А ты мало того, что бегаешь тут, так еще и толкаешься?

Я была парализована его близостью и силой, которая от

него исходила. Мое сердце колотилось, как пойманная птица. Не могла вымолвить ни слова, просто глупо смотрела на его губы, подбородок, на темные брови, сдвинутые к переносице.

— Что ты молчишь? — Артур наклонил голову ниже, его дыхание коснулось моей щеки, заставив меня вздрогнуть.

— Я... я иду в комнату, — едва слышно прошептала. — Пусти меня. Пожалуйста.

Артур злился. А я продолжала дрожать в его руках. Его взгляд медленно скользнул вниз по моей шее, задержался на ключицах, опустился ниже, к плечам, и вернулся обратно. Воротник слегка съехал набок, обнажая бледную кожу на моем плече, и я почувствовала, как его ладонь на моей талии чуть дернулась.

Он повел рукой вверх, по моему боку, касаясь ребер большими пальцами. И это прикосновение было далеко не нежным. Затем он приподнял мой подбородок, заглядывая в мои напуганные глаза.

— Тебе сколько лет? — спросил он.

— Тринадцать, — пробормотала я.

Артур на секунду перестал двигаться. Его взгляд потемнел, скользнув по моему лицу, оценивая каждую ее линию.

— А выглядишь старше, — произнес он. — Слишком много шума от тебя. Почему бегаешь по коридорам?

— Я... я уронила посуду в оранжерею, — с трудом нахо-

дила слова, боясь пошевелиться. — Меня бабушка отправила в комнату.

Артур перевел дыхание. Его грудь тяжело опустилась. Он смотрел на меня еще несколько секунд, словно решая какую-то сложную задачу в своей голове, а затем разжал руки, отступая на шаг. Холодный воздух мгновенно заполнил пространство между нами, и я едва не упала, лишившись его поддержки.

— И правильно сделала, — отрезал он, засовывая руки в карманы брюк. — Не выходи оттуда. Твое место там. Иди.

Я не заставила повторять дважды. Сорвавшись с места, пролетела оставшееся расстояние до своей комнаты, захлопнула дверь и повернула защелку. Меня трясло, зубы стучали друг о друга. Я сползла по двери на пол, прижимая ладони к лицу. Кожа в тех местах, где её касался Артур всё еще горела.

Через час в дверь негромко постучали. Это была бабушка. Она вошла, неся в руках поднос с простым ужином — супом и хлебом. Её лицо было уставшим. Она поставила поднос на стол и посмотрела на меня.

— Леон — непростой мальчик, Есения, — без прежней злости сказала она. — Он избалован и не знает границ. Поэтому не нужно его провоцировать. Если видишь его — просто молча уходи. Это единственный способ избежать проблем в этом доме. Нам же не нужны скандалы.

Затем вздохнула, поправив покрывало на моей кровати.

— Сегодня ты ужинаешь в комнате. Лучше не выходи.
Пусть всё утихнет.

И вышла, оставив меня наедине с тарелкой супа и своими мыслями.

Глава 4: Игры хищников

С каждым днем особняк Александровых казался мне всё более сложным и опасным лабиринтом. Жизнь здесь требовала от меня выработки особых инстинктов. Я быстро поняла, что залогом моей безопасности является абсолютная незаметность. Я научилась ходить бесшумно, словно тень, ступая только по мягким ковровым дорожкам и избегая тех мест, где пол скрипел. Моя одежда теперь состояла исключительно из простых темных вещей, которые сливались с приглушенными тонами коридоров цокольного этажа. Я старалась делать свою работу хорошо, чтобы ко мне не возникало претензий. Протереть пыль в библиотеке, расставить разбросанные на столе книги по алфавиту и вернуть на полки, отполировать перила лестницы, почистить столовые приборы до зеркального блеска... Я выполняла эти обязанности аккуратно, стараясь не задерживаться в парадных залах ни на секунду дольше должного. Моей главной целью было стать частью интерьера — такой же незаметной и бесшумной, как тяжелые портьеры или напольные часы в углу гостиной.

Через несколько дней после того злополучного инцидента с разбитым фарфором мне снова пришлось вернуться в оранжерею. На этой неделе Вероника — ботаник — не приехала, и вся работа по уходу за цветами легла на мои плечи.

Бабушка строго наказала мне закончить всё до пяти вечера, пока хозяева не вернутся с прогулки.

В оранжерее стояла привычная влажная духота. Я стояла на коленях на мягком коврикe перед большой клумбой с редкими видами папоротников, бережно протирая их широкие, жесткие листья влажным спонжем. Запах сырой земли и звуки фонтана убаюкивали, заставляя меня на мгновение забыть о том, где я нахожусь. Я полностью погрузилась в механическую работу, тихонько напевая под нос мотив старой песни, которую когда-то любила напевать мама.

Внезапно стеклянная дверь оранжереи распахнулась с характерным резким щелчком кованого замка. Хруст гравия на дорожке заставил меня мгновенно замереть.

— Говорю тебе, отец купит мне этот байк, — раздался чуть писклявый, но громкий, самоуверенный голос Леона. Он вошел в оранжерею в сопровождении своего неизменного хвоста — Дениса и еще одного парня из их элитной компании. — Он поорет для вида, как обычно, а потом подпишет чеки. Не откажет мне после того, как я закончил четверть без троек.

Мое сердце забилося чаще. Паника сковала конечности. Я поняла, что если сейчас дам обнаружить себя, это закончится новым скандалом. Я сидела близко к выходу, но густые, раскидистые кусты монстеры и высокие стеллажи надежно скрывали меня от взглядов только что зашедших гостей.

Даже дышать начала медленнее, что бы не создавать лиш-

него шума. Сжалась в комок за растениями. Мои пальцы, державшие влажный спонж, побелели от напряжения. Я прижалась спиной к каменному бортику клумбы, стараясь не издать ни единого звука. Но сквозь узкие щели между листьями видела силуэты мальчишек.

Они остановились у фонтана, всего в нескольких метрах от моего укрытия. Леон лениво облокотился бедром об декоративный вазон с землей, отчего тот слегка покачнулся.

— Слушай, Леон, а где эта твоя... новая служанка? — Денис ухмыльнулся, запрыгивая на широкий бортик фонтана, при этом болтая ногами. — Та девчонка, которая разбила посуду вчера. Я видел её потом в коридоре. Шуганая какая-то, и смотрит волчонком. Она реально внучка вашей экономки?

Я замерла, боясь сделать даже мизерный вдох.

— А, эта приживалка, — Леон пренебрежительно фыркнул, сорвав с ближайшей ветки зеленый лист и принимаясь лениво рвать его на мелкие кусочки. — Да, внучка Анны. Родители её разбились, вот бабка и притащила её сюда. Отец разрешил оставить из жалости. Девчонка правда дикая какая-то, шарахается от всего.

— Да ладно тебе, — Денис подмигнул другу. — Она, конечно, мелкая, но выглядит ничего. Не думал прибрать её к рукам? У вас тут такие кадры пропадают.

У меня внутри всё заледенело. Грязные слова Дениса задели меня, заставив щеки вспыхнуть от унижительного стыда. Мне было всего тринадцать, но я уже прекрасно понима-

ла, о чем они говорят. В их мире всё делилось на вещи, которые можно купить, и людей, которых можно использовать. И я, по их мнению, относилась ко второй категории.

Леон издал смешок, от которого у меня по коже побежали мурашки.

— Да она же еще маленькая, хотя уже не такая плоская как наши одноклассницы. Но ты прав, потенциал у нее есть. Я немного помуржу её сейчас, потреплю ей нервы, чтобы знала свое место. Пусть подрастет еще пару лет, привыкнет к тому, кто здесь хозяин. А потом я обязательно возьму свое. Такие девчонки созданы для того, чтобы развлекать нас. Она никуда не денется из этого дома, ей просто некуда бежать.

Парни громко загоготали. А меня затрясло, едва не выда- ла себя: зубы застучали, и мне пришлось прижать ладонь к губам, чтобы заглушить этот звук. Внутри меня бушевал настоящий ураган из страха и злости. Мне хотелось выскочить из своего укрытия, вцепиться ногтями в сытое лицо Леона, стереть его убудочную ухмылку. Как они так могут? Как смеют говорить обо мне так, словно я — вещь, которую они могут использовать, как и когда им вздумается?

— Ладно, пошли, — Леон бросил обрывки листа в воду фонтана. — Жарко здесь, дышать нечем. Пойдем поиграем на приставке.

Они развернулись и не спеша направились к выходу. Стеклянная дверь со скрипом закрылась, и в оранжеее сно-

ва воцарилась тишина, прерываемая лишь ровным журчанием воды в фонтане.

Я еще долго сидела неподвижно, зажав рот руками, боясь пошевелиться. В этот момент окончательно осознала свое истинное положение в этом доме. Я не была здесь «воспитанницей», как пыталась преподнести это Елена Александровна. А была лишь «довеском» к экономке, бесплатным приложением к её преданной службе, вещью, которую приютили из милости и которую в любой момент могли сломать, не понеся за это никакого наказания.

Я медленно поднялась на ноги, чувствуя, как дрожат колени. Мир вокруг показался хищным и опасным. И мне было необходимо научиться защищаться.

Вечером, когда бабушка ушла на очередной обход комнат, я закрыла дверь на защелку и достала телефон. Мои пальцы всё еще слегка дрожали, когда я набирала номер Полины. Как только в трубке раздался её звонкий, такой нормальный и живой голос, у меня перехватило дыхание.

— Сеня! Привет! Ну как ты? Я уже испереживалась вся!
— затараторила Поля.

— Поля... — мой голос прозвучал тихо и хрипло. — Мне страшно.

Полина притихла.

— Сеня, что случилось? Они тебя обидели? Эта твоя ба-

бушка или эти... мажоры?

Я, глотая слезы, рассказала ей всё, что услышала сегодня в оранжерее. Рассказала о словах Леона, о его мерзком смехе, о том, как они говорили обо мне. Я пересказывала, путаясь в словах, чувствуя, как заново переживаю этот кошмар.

Полина выслушала меня не перебивая и только в самом конце выкрикнула:

— Вот же ублюдки! — в её голосе было столько искренней поддержки. — Леон этот... да я бы ему дала чему-нибудь тяжелым прямо по голове! Ты не должна там оставаться. Это опасно. Они же ненормальные!

— Поля, мне некуда идти, — тихо ответила я, вытирая слезы. — Бабушка — мой опекун. Если я сбегу, меня поймают полиция и вернет обратно. Или сдадут в детский дом.

— Слушай, — голос Полины вдруг стал заговорщицким. — Может сбежишь? Серьезно! Я поговорю с мамой и папой. Они у меня добрые, они поймут. Мы тебя спрячем у нас на даче. Или в нашей квартире, где никто не найдет! Папа что-нибудь придумает с документами, он у меня юрист, помнишь? Мы не оставим тебя этим тварям!

Я слушала её и чувствовала, как тепло разливается по сердцу. План Полины был наивным и абсолютно невыполнимым в реальной жизни — полиция нашла бы меня на следующий же день. Но сама мысль о том, что где-то там, за высокими заборами этого проклятого поместья, есть люди, ко-

которые готовы рискнуть всем ради меня, подарила мне невероятную силу.

— Поля, спасибо тебе, — я улыбнулась, глядя на треснувшую рамку с фото родителей. — Но сбежать так просто не получится. Это разрушит жизнь твоей семьи, а я этого не хочу. Но... мне так важно знать, что ты у меня есть.

— Мы придумаем что-нибудь, — с энтузиазмом добавила подруга. — Ты только держись там. И пиши мне каждый день. Если этот Леон хоть пальцем тебя тронет — я приеду с папой и устрою им там погром.

Когда я положила трубку, тишина комнаты больше не казалась мне такой тяжелой. У меня были защитники. Пусть далеко, пусть бессильные против миллионов Александровых, но они были настоящими.

Я уставилась в потолок комнаты, на котором плясали блеклые тени от качающихся за окном веток яблонь, и принялась размышлять.

Как мне выйти из этой ситуации? Как защитить себя в доме, где каждый угол таит в себе скрытую угрозу?

Первой мыслью, естественно, была бабушка. Но я тут же отбросила эту затею. Рассказать Анне Николаевне о словах Леона? Глупо. Она не станет защищать меня. Наоборот, она обвинит меня во всем. Скажет, что я «не так посмотрела», «не там встала» или спровоцировала мальчика своим присутствием. Для бабушки Александровы были святыми полубогами, которые снизошли до милости к нам. Она слиш-

ком дорожила своим местом, своей репутацией безупречной управляющей. Ради душевного покоя хозяев она без колебаний принесла бы в жертву мои чувства.

Пойти напрямую к Елене или Михаилу? Еще более безумная идея. Кто я для них? Осиротевшая внучка экономки, которую они приютили из жалости. А Леон — их любимый младший сын, их плоть и кровь. Даже если Елена Александровна проявляла ко мне мимолетную доброту в оранжерее, она никогда не поверит, что её «мальчик» способен на такую низость. Для нее это будут лишь выдумки неблагодарной девчонки, пытающейся очернить её семью.

Поделиться с Мартой или Лизой? Тоже глупо. Слуги, какими бы дружелюбными они ни были, в первую очередь держались за свою работу. Сплетни в таком доме распространяются со скоростью лесного пожара, и если кто-то из них проболтается бабушке, это закончится моим наказанием. Или, что еще хуже, Леон узнает, что я подслушала его разговор, и тогда его издевательства станут по-настоящему невыносимыми.

Я была совершенно одна на этом минном поле. Моей единственной защитой была моя собственная невидимость. С этими изнуряющими мыслями, от которых ныла голова, я не заметила, как мои веки потяжелели. И заснула прямо на покрывале, сжимая в руке выключенный телефон, убаюканная тишиной.

В последующие дни я превратилась в настоящего призра-

ка. Передвигалась по особняку бесшумно, как тень, изучив все основные часы активности хозяев. Я знала, в какое время Михаил Александров уезжает в свой офис, когда Елена отправляется на спа-процедуры или встречи, и когда братья просыпаются. Моя жизнь превратилась в бесконечную игру в прятки, где ставкой был мой собственный покой.

Если мне нужно было пройти в библиотеку или оранжерею, я сначала долго прислушивалась у дверей, улавливая малейшие движения и голоса. Я научилась читать шаги: тяжелая, уверенная поступь Артура, легкие, прыгающие шаги Леона, размеренный и тихий стук каблуков бабушки. Я ускользала из комнат до того, как туда кто-то входил, пряталась за широкими шторами, укрывалась в служебных коридорах, сжимаясь в комок и затаив дыхание. Это было утомительно, но это работало. И мне удавалось оставаться абсолютно незаметной.

Конец мая принес с собой изнуряющую жару и окончание учебного года у братьев. В этот день в поместье царила особенная, суетливая атмосфера. На территории особняка, прямо у бассейна, намечалась молодежная вечеринка.

Ближе к вечеру, когда жара начала немного спадать, мне нужно было вернуться в свою комнату после уборки в гостевом флигеле. Можно было пройти через бесконечные коридоры от основного блока поместья до служебного крыла. Но я выбрала самый короткий путь, который лежал через улицу, по обходной дорожке мимо бассейна. Я надеялась, что смогу

проскользнуть незамеченной вдоль живой изгороди — пока гости были увлечены музыкой, смехом и напитками.

У бассейна было шумно. В воде плескались девчонки в ярких купальниках, а парни из компании братьев лениво перекидывались шутками, развалившись на шезлонгах. Все они выглядели как картинки из модного журнала: красивые, уверенные в своей неотразимости и праве на этот мир.

Я опустила голову, натянув пониже козырек старой бейсболки, которую утром нашла в своем шкафу, и ускорила шаг. Оставалось пройти всего около двадцати метров, повернуть за угол и зайти в открытую дверь.

— Эй, глядите, кто это у нас тут крадется? — этот голос заставил меня похолодеть.

Из-за раскидистой пальмы в кадке прямо передо мной появился Леон. Он был в мокрых плавательных шортах, с его волос стекала вода, а на лице растянулась мерзкая ухмылка. Он перегородил мне узкую дорожку, расставив руки в стороны.

— Куда так торопишься, Серая Мышка? — сделал шаг вперед, заставляя меня остановиться.

Несколько его друзей, стоявших неподалеку, обернулись на его голос и негромко засмеялись. Я почувствовала, как сотни невидимых игл впились в мою кожу.

— Пропустите меня, пожалуйста, — произнесла я, не поднимая глаз. — Мне нужно пройти в комнату.

— Да ладно тебе, не будь такой букой, — Леон протянул

руку, пытаясь зацепить пальцем козырек моей бейсболки. — Покажи личико. Мы просто хотим познакомиться поближе, правда, пацаны?

Я сделала шаг назад, сжимая кулаки. Внутри меня всё кричало от бессилия. Я ведь понимала, что если сейчас начну с ним спорить, бабушка снова сделает виноватой меня. Леон наслаждался своей властью, видя, как я сжимаюсь под его взглядом.

— Леон, отстань от нее.

Этот голос прозвучал негромко, но он явно давил непреклонным авторитетом. Я подняла голову на звук. У края воды, облокотившись на спинку шезлонга, стоял Артур. На нем были темные солнцезащитные очки, но даже сквозь них я почувствовала его взгляд. Он не кричал, не делал резких движений. Просто произнес эту короткую фразу, но в его позе была сила. Леон тут же изменился в лице, недовольно поджал губы, его ухмылка сползла, сменившись на раздражение. Он медленно опустил руки.

— Да ладно, Артур, я просто пошутил, — буркнул Леон, делая шаг в сторону и освобождая мне дорогу. — Вечно ты всё портишь.

Я не стала ждать продолжения. Сорвавшись с места, буквально пролетела мимо них, не чувствуя под собой ног. Мое сердце колотилось в груди как сумасшедшее, а в ушах звенел спасительный тон Артура. Зачем он это сделал? Почему за-

ступился? Из жалости? Или просто не хотел, чтобы его брат устраивал сцены на глазах у гостей?

Я вбежала в свою комнату, захлопнула дверь и бросилась к окну, осторожно отодвинула край плотной шторы и посмотрела на бассейн.

Артур стоял на том же месте, но теперь его очки были сдвинуты на макушку. Он смотрел прямо на мои окна. Не мигая и не отводя взгляда. В этот раз я была уверена на все сто процентов — наши глаза встретились сквозь двойное стекло и тюль. Между нами было расстояние в несколько десятков метров, но мне показалось, что он стоит прямо передо мной. Этот взгляд — пронзительный, изучающий — словно пригвоздил меня к месту.

Я испуганно отпрянула от окна, задернув штору. Мои щеки пылали, словно я обожглась о пламя. Пульс набатом бил в ушах, заглушая звуки музыки, доносившиеся снаружи. Я прижала ладони к горящим щекам, пытаюсь успокоиться, но дыхание никак не приходило в норму. Что это было?

Через минуту я не выдержала. Любопытство и какое-то странное, непреодолимое притяжение заставили меня снова подойти к окну. Я сделала крошечную щель в шторах, стараясь оставаться в полной темноте комнаты, и принялась рассматривать его.

Вечеринка продолжалась, но теперь всё мое внимание было приковано только к одной фигуре. Артур был по-мужски красив. В лучах заходящего солнца его загорелая кожа ка-

залась золотистой, а темные мокрые волосы были небрежно зачесаны назад. На нем была легкая льняная рубашка с подвернутыми рукавами, которая подчеркивала его плечи и мускулистые руки. В каждом его движении, в том, как он держал бокал с напитком, в его ленивой улыбке сквозила уверенность.

Я заметила, что он не оставался один. Вокруг него постоянно крутились девчонки. Несколько подруг буквально висли на нем, постоянно одергивая его за рукав, привлекая внимание, смеясь над его редкими, короткими репликами. Они ловили каждый его взгляд, каждое слово. Он был центром этой вселенной, её негласным королем. И я, наблюдая за этим из своей темной норы, осознала, насколько он популярен, насколько желанен среди своего круга. И насколько мы с ним далеки друг от друга.

Он был солнцем, а я — лишь блеклой тенью под его ногами. Я смотрела на него до тех пор, пока сумерки окончательно не сгустились над поместьем, а гости не переместились внутрь дома. Огни у бассейна погасли, музыка стихла, но перед моими глазами всё еще стоял его силуэт. Его взгляд, который прошил меня сквозь стекло.

Я легла в постель, но сон долго не приходил. Ворочалась с боку на бок, чувствуя, как под кожей всё еще вибрирует незнакомое чувство. В моей голове крутились тысячи вопросов, на которые у меня не было ответов.

Глава 5: Защита

Утром, как только я открыла двери библиотеки, в нос ударил запах застоявшегося веселья. Вчерашняя вечеринка у бассейна, судя по всему, глубоко за полночь переместилась под эти величественные своды. Александровы и их гости не заботились о порядке — они просто оставляли за собой бардак, зная, что к утру невидимые руки прислуги вернут всему первозданный вид.

Я стояла посреди огромного помещения, сжимая в руках большой мусорный пакет. На тяжелом дубовом столе красовались липкие круги от бокалов, пустые бутылки из-под элитного шампанского, скомканные салфетки и тарелки с остатками еды. На ковре валялась чья-то забытая заколка со стразами, а воздух казался каким-то спертым.

Я механически, стараясь ни о чем не думать, собирала мусор. Бутылки с тихим звоном отправлялись в пакет, крошки со стола я сметала специальной щеткой. Мои движения были автоматическими, а мысли начали улетать ко вчерашнему вечеру. Перед глазами стоял Артур. Я не могла избавиться от ощущения, что между нами вчера протянулась невидимая, тонкая нить.

Тихий шелест шагов вырвал меня из воспоминаний и заставил вздрогнуть. Я резко обернулась, едва не выронив пакет.

В библиотеку вошел один из виновников моей тревоги. На нем были простые серые спортивные штаны и черная футболка, подчеркивающая его широкие плечи. В руках он держал закрытый серебристый ноутбук. А на лице лежала тень легкой усталости. Артур подошел к столу, но, увидев меня, на секунду подвис. Его брови слегка сдвинулись к переносице, а взгляд пробежался по моему лицу, пакету в моих руках и следам грязи на столе. Он как будто не ожидал встретить меня здесь так рано. Развернувшись, уже намеревался уйти, но внутри меня в этот момент словно щелкнул какой-то тумблер. Он же заступился за меня у бассейна, и я тут же подумала: «он мой единственный шанс». И другого такого момента, когда мы окажемся наедине в пустой библиотеке, может не быть очень долго. Леон был реальной угрозой, и его слова о том, что он возьмет свое, когда я подрасту, до сих пор преследовали меня. Артур был тем, кого младший из братьев боялся и слушался, и при этом единственный, к кому я могла обратиться со своей необычной просьбой. Терять уже было нечего!

— Артур! — мой голос прозвучал громче и резче, чем я планировала. Аж сама испугалась своей дерзости. — Пожалуйста, не уходи. Мне нужно с тобой поговорить.

Он остановился. Обернулся, глядя на меня со смесью удивления и скуки.

— У меня сейчас занятие с репетитором, — отчеканил он своим безэмоциональным. — Нет времени возиться с тобой.

И затем сделал шаг к выходу, ну а я, ведомая какой-то отчаянной смелостью, сделала несколько быстрых шагов вперед и перекрыла ему путь к двери. Встала прямо перед ним, тяжело дыша, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Конечно, я понимала, насколько нелепо выгляжу — маленькая, бледная тринадцатилетняя девчонка перед высоким, сильным взрослым парнем. Но отступать то было поздно.

— Это займет всего секунду, — на одном выдохе произнесла я, глядя ему прямо в глаза. Сама тряслась как осиновый лист. — Пожалуйста. Выслушай меня.

Артур стоял передо мной, и я физически ощущала его превосходство. Он перевел взгляд на мои руки, затем снова посмотрел мне в глаза. В его взгляде проскользнула еле заметная искра.

— Ну? — сухо спросил он. — Слушаю. Говори быстрее.

Я сглотнула ком в горле, чувствуя, как щеки начинают гореть, и начала:

— Пожалуйста... защити меня от Леона, — сходу выпалила я, чувствуя, как дрожит мой голос. — Попроси его... скажи ему, чтобы он не подходил ко мне. Чтобы его друзья не трогали меня. Вчера у бассейна... если бы ты не вмешался, я не знаю, что бы он сделал. Он... опасен для меня.

Артур молчал. На его лице не дрогнул ни один мускул. И смотрел на меня так, будто я была скучной книгой, которую

его заставляли читать.

— И зачем мне это? — равнодушно спросил он, приподняв одну бровь. — Леон — мой брат. А ты — всего лишь внучка прислуги. Какая мне от этого выгода?

Его слова морально ударили меня. Они были жестокими, но честными. В их мире ничто не делалось просто так.

— Проси тогда, что хочешь, взамен, — я была готова на всё, лишь бы чувствовать себя в безопасности в этом проклятом замке. — Хочешь... я буду твоей личной служанкой? Буду чистить твою комнату, вещи, носить тебе кофе, исполнять любые твои хотелки... Только не давай Леону приближаться ко мне.

Артур издал смешок, от которого у меня по коже побежали мурашки. Он сделал шаг ко мне, заставляя меня вжаться спиной в дверь библиотеки. И навис надо мной так близко, что я почувствовала запах геля для душа.

— Дом полон слуг, Есения, — его голос опустился до вкрадчивого шепота. Он наклонился еще ниже, его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. — Зачем мне ты? У нас есть горничные, которые хорошо делают свою работу. Что же ты можешь предложить мне такого, чего не могут они?

Я смотрела на его губы. От тревоги голова начинала кружиться. В моменте воздух в библиотеке показался душным.

— А что... что ты сам хочешь? — едва слышно прошептала я, замирая от страха и какого-то странного, непонятного мне самой ожидания.

Артур молчал. Его взгляд — уже лишенный прежней скуки — медленно опустился к моим губам. Я видела, как тяжело вздымается его грудь. Напряжение между нами стало осязаемым, оно вибрировало в воздухе, словно натянутая до предела струна.

Вдруг он сделал то, чего я никак не ожидала. Он протянул свою руку, его длинные пальцы мягко, но крепко обхватили мой подбородок, приподнимая его вверх. Меня парализовало. Я, широко распахнув глаза, смотрела на его медленное приближение, ожидая поцелуя. Но его губы не коснулись моих. Он так же внезапно просто взял и отстранился. Пальцы медленно соскользнули с моего подбородка, оставив на коже ощущение ожога.

На его лице снова появилась высокомерная маска, но в глубине его глаз я успела заметить мимолетное замешательство.

— Я подумаю, — твердо произнес он, делая шаг назад и освобождая мне дорогу. Затем подвинул меня и уверенными шагами вышел из библиотеки, гумно прикрыв за собой дверь.

Я осталась стоять, прижавшись спиной к стене. Мои колени дрожали так сильно, что я медленно сползла по косяку

на пол. А рука сама собой поднялась к губам, пальцы коснулись горящих щек. Внутри меня бушевал настоящий ураган эмоций: шок, стыд, дикий страх и неизвестное пугающее чувство.

Весь оставшийся день прошел для меня в каком-то мутном полузабытии. Я работала с остервенением, хватаясь за любую, даже самую грязную работу, лишь бы не оставлять себе ни единой секунды на размышления. Чистила столовое серебро до тех пор, пока пальцы не начинали неметь от усталости, помогала Марте перебирать овощи на жаркой и душистой подсобке.

Но образ Артура, темный взгляд и обжигающее прикосновение его пальцев стояли перед глазами, словно выжженные на сетчатке. Внутри меня всё горело. Я чувствовала себя так, словно переступила невидимую черту, за которой правила прежнего мира больше не действовали.

Аппетит пропал начисто. Поэтому в обед я соврала бабушке, что плохо себя чувствую и уже перекусила в комнате. На ужин я тоже не пришла, проигнорировав ее тихий стук в мою дверь. Я просто лежала на кровати, свернувшись калачиком, глядя на то, как полосы закатного солнца медленно ползут по бежевой стене, уступая место сумеркам.

Живот сводило от голода, но мысль о том, чтобы выйти в столовую и столкнуться там с кем-то из хозяйской семьи, пугала меня до дрожи.

Только ближе к десяти часам вечера, когда особняк за-

тих, а хозяйева, судя по всему, разошлись по своим комнатам, я решила выбраться наружу, прогуляться к аллее, чтобы остудить мысли и эмоции.

Летняя ночь встретила меня прохладой и оглушительным стрекотом цикад в густой траве. Фонари на территории поместья горели не все. Дорожка, ведущая к отдельному входу для слуг, огибала бассейн и ныряла в густую тень раскидистых ив, где царила абсолютная темнота.

Я шла быстро, обхватив себя руками за плечи, стараясь ступать как можно тише. Мои кеды бесшумно скользили по каменным плитам. Оставалось пройти совсем немного, миновать неосвещенный участок под ивами, как вдруг из глубокой тени деревьев бесшумно появился высокий силуэт.

Я испуганно вскрикнула, отпрянув назад, и едва не потеряла равновесие на скользком краю дорожки. Сердце подпрыгнуло, заколотившись в бешеном ритме.

— Тише, — раздался низкий бархатистый голос.

Из тени шагнул Артур. На нем была темная ветровка, капюшон которой был опущен на плечи. Он стоял прямо передо мной, преграждая путь к спасительной двери. Я сделал еще один шаг назад.

— Убегаешь? — негромко произнес он, делая полшага вперед. Расстояние между нами сократилось, и я снова почувствовала запах его геля для душа. — Думаешь, сможешь спрятаться?

Я молчала, вдыхая прохладный ночной воздух. Мои руки

дрожали, поэтому я спрятала их за спину, чтобы он не заметил моей слабости.

— Я подумал над твоим предложением, — продолжал Артур. Он чуть наклонил голову, изучая мое лицо в свете далекого фонаря. — В общем, я согласен оградить тебя от Леона. Он больше не подойдет к тебе, и его друзья забудут о твоём существовании. Но... у меня есть условие.

Он замолчал, выдерживая паузу с интригой.

— Какое условие? — едва слышно прошептала я, замирая от страха.

— Ты будешь беспрекословно выполнять все мои просьбы. Будешь реагировать на каждый мой зов, на любое мое поручение. Без вопросов, без капризов и без задержек. Если я говорю тебе прийти — ты приходишь. Если говорю сделать что-то — ты делаешь. Согласна?

Я начала быстро соображать, глядя в его глаза. Мой мозг пытался анализировать ситуацию. От слуг на кухне я уже не раз слышала, что из двух сыновей Артур — самый адекватный, спокойный и рассудительный. Он взрослый, ему уже семнадцать, и он думает об учебе в университете, о бизнесе отца. Что ему может быть нужно от меня, мелкой, невзрачной девчонки? Наверняка он просто хочет загрузить меня мелкой бытовой работой. Это была небольшая цена за то, чтобы избавиться от мерзкого, злого Леона, который пугал меня до дрожи. К тому же Артур... при всей своей холодно-

сти и высокомерии, он был приятнее. В его присутствии мое сердце билось быстрее, и это был другой страх — манящий, волнующий, от которого в животе порхали бабочки.

— Да, — тихо, но твердо ответила. — Я согласна.

На губах Артура заиграла торжествующая улыбка-оскал. Он медленно вытянул вперед правую руку, раскрывая ладонь.

— Закрепим нашу сделку. Пожмем руки.

Мое сердце на секунду остановилось, а затем застучало с новой силой, набатом отдаваясь в ушах. Я осторожно протянула свою ручку и вложила её в его широкую, горячую ладонь. Его пальцы мгновенно сомкнулись вокруг моих, сжав их крепко, почти до боли. Это прикосновение было похоже на электрический разряд, прошивший мое тело от макушки до пят.

Артур чуть потянул меня на себя, заставляя сделать шаг вперед, в самую глубь тени ив.

— И смотри, — его голос опустился до шепота у самого моего уха. — Дороги обратно не будет. Ты дала мне слово — держи его. Я очень не люблю, когда меня обманывают или пытаются соскочить со сделки. Если нарушишь наше соглашение... поверь мне, Леон покажется тебе ласковой принцессой на фоне того, что могу сделать с тобой я. Поняла?

Я почувствовала, как краска заливает мои щеки, шею,

уши. Его слова испугали меня до глубины души, в них сквозила настоящая угроза.

— Зачем... ты меня запугиваешь? — пробормотала я, пытаясь высвободить свою руку из его железной хватки, но он не позволил, сжав пальцы еще крепче.

Артур хрипло усмехнулся, и его дыхание обожгло мою кожу.

— Я не запугиваю тебя. Просто предупреждаю. С большими мальчиками играют только во взрослые игры. Ты должна четко понимать цену этой сделки и последствия её нарушения. Теперь ты принадлежишь мне. Иди в комнату.

Он резко разжал пальцы, отпуская мою руку. Я покачнулась от неожиданности, прижимая ладонь к груди. Артур больше ничего не сказал. Он развернулся и бесшумно растворился в темноте сада, оставив меня одну под шелестящими ветвями. Моя рука всё еще горела от его пожатия. Сделка была заключена. Я получила защиту, но какой ценой? Я еще не знала, во что ввязалась, но сделала свой выбор, и теперь мне предстояло играть по чужим правилам.

Глава 6: Игры в молчанку

Следом потянулись недели постоянного ожидания чего-то. Прошло уже полмесяца с той ночи у бассейна, когда я вложила свою ладонь в горячую руку Артура и подписала наш негласный контракт. И всё это время я прожила как на пороховой бочке.

Но судьба, как никогда, благоволила мне: я практически перестала сталкиваться с братьями. Особняк в целом показался вымершим. Артур словно испарился. Его не было видно ни у бассейна, ни в библиотеке, ни в саду. И это приносило мне колоссальное облегчение, но вместе с тем внутри росла тревога от неизвестности. Какова будет цена его защиты? Когда он придет забирать свой долг? Каждый раз, когда мой простенький телефон вибрировал в кармане брюк, мое сердце испуганно подпрыгивало к самому горлу. Я ждала сообщения, приказа, вызова. И это ведь мы даже не обменялись телефонами. Но зато редко-редко меня радовали теплые весточки от Полины.

А Леоном я все же столкнулась однажды, примерно через неделю после сделки.

Это произошло в узком переходе между главным холлом и правым крылом особняка. Я несла стопку свежих полотенец для гостевых ванных комнат. Заметив впереди его силуэт, я инстинктивно сжалась, а внутри всё сжалось от привычного

ожидания злой шутки или грубого толчка. Послушно опустив голову, я натянула на лицо привычную маску безразличия и попыталась буквально вжаться в стену, чтобы освободить ему дорогу. Леон же просто прошел мимо быстрым шагом, прижимая к уху телефон. Он громко, весело переговаривался с кем-то из своих приятелей, обсуждая покупку какой-то новой игры. Его взгляд скользнул по моей макушке абсолютно равнодушно, словно я была неодушевленным предметом. Никаких насмешек в мою сторону.

После его ухода я осталась стоять в пустом коридоре, прижимая к груди тяжелую стопку белья. Мои колени дрожали. Но вместе с этим пришло и четкое осознание: Артур сдержал слово! Он действительно защитил меня. Леон — этот избалованный и неуправляемый ураган — вычеркнул меня из списка своих жертв. Чудо каким авторитетом являлся для него старший брат в этом доме.

Но кем же теперь я сама была для Артура? Его собственностью, защищенной его личным клеймом?

Ответов у меня не было.

После этого случая в один из теплых июньских вечеров я сидела на кухне вместе со слугами. Это время ужина всегда было самым уютным. Хозяйева обычно обедали и ужинали в своей парадной столовой, а здесь, на кухне, жизнь текла просто и тепло. На плите тихо булькал ароматный суп, Марта нарезала свежий хлеб с хрустящей корочкой, а по телевизору в углу шел какой-то старый фильм.

Я лениво ковыряла вилкой в тарелке мясо с запеченными овощами, прислушиваясь к разговорам персонала. Взрослые любили посплетничать о хозяевах, и для меня эти беседы были единственным источником информации о том, что происходит в стенах этого огромного замка.

— Какой-то удивительно тихий июнь выдался, вам не кажется? — Лиза, устало потянулась. — Обычно в это время года Леон и его дружки разносят дом в щепки. То они в футбол в холле играют, то музыку врубают так, что стекла в комнатах дрожат. А сейчас — тишина, будто все вымерли. Даже Артур притих.

— Так экзамены же у них, — отозвалась Марта, вытирая руки полотенцем и присаживаясь за стол напротив нас. — Мальчики сдают годовые и выпускные. Артур одиннадцатый класс заканчивает, Леон — девятый. Им сейчас не до веселья, они из комнат неделями не выходят, всё с репетиторами зубрят.

— Ой, да ладно тебе, Марта, — фыркнула Лиза, качая головой. — Чего им париться об этих экзаменах? Оценки, дипломы... Зачем им вообще забивать себе голову учебой и переживать о будущем, если у них это будущее уже обеспечено до конца жизни? Родители им всё на блюде поднесут. Папаша их — миллиардер, у них денег столько, что можно вообще ни одного дня в жизни не работать.

Марта посмотрела на девушку поверх своих очков для чтения и неодобрительно покачала головой.

— Не скажи, Лиза. Ты плохо знаешь Михаила Александровича. Он, конечно, человек щедрый, но в отношении сыновей — строг до невозможности. Он ведь сам с низов поднимался, своим трудом всё заработал, и парней воспитывает в строгости. Я помню, как он Артуру на пятинадцатилетие сказал: «Если не будешь учиться и головой думать — пойдешь работать грузчиком на мой склад, и ни копейки от меня не получишь». И ведь выполнил бы! Он воспитывал сыновей так, чтобы те самостоятельно учились, думали о своем развитии и будущем, а не надеялись на его кошелек.

Другие служанки согласно закивали, соглашаясь с мнением повара.

— Да уж, Михаил Юрьевич шутить не любит, — вздохнула Лиза, шутливо пожимая плечами. — Ну, тогда понятно, почему они носы из комнат не показывают. С таким-то отцом лучше не рисковать.

— А хозяйева тем временем, кажется, к поездке готовятся, — добавил садовник, который сидел на краю скамьи, попивая компот. — Я сегодня видел, как Елена Александровна с Анной Николаевной обсуждали список вещей для отправки в Италию. Сразу после выпускных экзаменов улетают.

— Так они каждый год туда на лето отбывают, — подтвердила Марта. — Отец сейчас видимо тоже постоянно в работе, пытается все дела закрыть до отъезда. А Елена Александровна вся в хлопотах из-за выпускных. Столько событий

запланировано в их элитной школе! Там и балы, и приемы, и торжественные речи.

Я сидела молча, слушая их, и тихо радовалась: скоро они уедут. Особняк останется пустым. Это означало, что впереди меня ждет спокойное лето без постоянного страха столкнуться с мальчиками. Но мысль об отъезде Артура вдруг вызвала во мне странное, двойственное чувство. С одной стороны, я должна была радоваться — опасность ведь минует. Но с другой... в моей груди поселилось беспокойство. Неужели он уедет, так и не потребовав от меня выполнения своей части сделки? И что будет после их возвращения?

Я посмотрела на окно. В саду уже зажигались редкие фонари. Летняя ночь была теплой, почти душной, но меня знобило. Как бы то ни было, одна истина была неизменна: я заперта в этом особняке, и правила игры здесь устанавливают другие люди. Мне оставалось только ждать и надеяться, что цена, которую мне придется заплатить за свою безопасность, не окажется слишком высокой.

Наступил день сдачи последнего экзамена. У Леона всё закончилось на несколько дней раньше, чем у старшего брата, и особняк мгновенно наполнился шумом. Младший Александров расслабился сразу и шумно: в доме тут же появилось несколько его друзей. Они громко ходили по коридорам, смеялись и оккупировали гостиную с игровой приставкой.

Я со страхом ожидала, что прежний кошмар вернется, но,

к моему удивлению, в мою сторону не последовало ни одной нападки. Однажды днем я несла чистые стаканы на подносе мимо террасы, где парни пили колу. Один из друзей Леона, Денис, заметив меня, ухмыльнулся и кивнул в мою сторону:

— О, гляди, твоя тихоня идет. Может, развлечемся?

Я сразу сгруппировалась, готовая бежать. Но Леон, даже не повернув головы в мою сторону, лениво развалился на кресле и как бы невзначай бросил:

— Отвали от нее. Не обращай внимания на эту серую мышь. Играй давай.

Денис пожал плечами, и они вернулись к своим телефонам. Я быстро прошла мимо, едва веря своим ушам: Леон действительно обходил меня стороной.

Через пару дней, вопреки своему обычному графику, я пришла в оранжерею поздно вечером. Это был день, когда там допоздна работала Вероника — ботаник, молодая женщина с добрым лицом и вечно испачканными в земле руками. Я очень любила её визиты. С ней было так легко.

Мы продуктивно провели время. Вероника научила меня правильно обрезать сухие листья, показывала, как пересаживать нежные ростки, и называла настоящие латинские имена растений.

— Вот это, не просто «зеленый куст», — смеялась она,

указывая на пышное растение. — Это *Chrysalidocarpus lutescens*. Попробуй выговорить!

— Хризали... что? — я путалась в слогах, и мы заливисто, искренне смеялись на всю оранжерею.

— А вот эта орхидея — *Phalaenopsis amabilis*, — продолжала она, ласково касаясь белого лепестка. — Звучит как закливание из сказки, правда?

Но вскоре Вероника собрала свои инструменты, тепло попрощалась со мной и ушла. Я осталась в оранжерее одна, наслаждаясь тишиной и созерцанием ярких, экзотических цветов в лучах заходящего солнца.

Внезапно под куполом оранжереи щелкнул выключатель. Вся иллюминация мгновенно погасла, погрузив пространство в сумерки. Я испуганно вскрикнула, выронив лейку. Сердце забило в панике. Единственным источником света теперь были уличные фонари сада, чьи лучи пробивались сквозь стеклянный потолок, рисуя на полу длинные тени тропических листьев.

— Кто здесь? — крикнула я в темноту, и мой голос дрогнул.

— Тихо, — раздался из темноты бархатный голос.

Из-за высоких кустов папоротника медленно вышел Артур. В полумраке его фигура казалась огромной и пугающей. На нем была простая футболка, а в глазах отражался свет

уличных фонарей. Он шел ко мне, бесшумно ступая по гравию, и в каждом его шаге сквозила уверенность хищника, который загнал свою добычу в угол.

Я замерла, не в силах пошевелиться, чувствуя, как страх сковывает тело.

— Ну что? — тихо спросил он, останавливаясь в шаге от меня. Я почувствовала резкий запах его одеколона. — Готова принести первую оплату?

Я задрожала всем телом, не в силах издать ни звука. В горле пересохло. Артур подошел вплотную, так близко, что его грудь почти касалась моей.

— Можешь поздравить меня, — прошептал он. — Сегодня был мой последний экзамен. И я пришел за своим подарком.

Я успела только судорожно заглотнуть слюну, не успев даже сообразить, что происходит. В следующий миг его ладонь легла на мой затылок, пальцы запутались в моих волосах, фиксируя голову. Другая рука легла на мою талию, притягивая к себе.

Артур поцеловал меня. Настоячиво, не церемонясь.

Это было похоже на падение в бездну. Мой первый поцелуй — жесткий, властный, пахнущий мятой и опасностью. Его губы были требовательными, они забирали мое дыхание, не оставляя выбора. Я задохнулась от его напора, чувствуя, как земля уходит из-под ног, а сердце совершает хаотичные удары в груди. Все это было неправильно, запрещено, но в то

же время так захватывающе.

Когда он наконец отпустил меня, тяжело дыша, я на секунду покачнулась. И шок тут же сменился злостью. Размахнувшись, изо всей силы ударила его ладонью по лицу. Звонкий шлепок пощечины эхом разнесся под куполом.

— Ты больной! — выкрикнула я, мои глаза заслезились. — Если ты думаешь, что ради своей безопасности я буду целоваться с тобой, ты ошибаешься!

Рука горела от удара. А на щеке Артура медленно проступал красный след от моих пальцев.

— Успокойся, — произнес он, делая шаг вперед, заставляя меня отступить на шаг назад. — Если не хочешь снова стать затравленной в этом доме. Ты дала слово. Сделка есть сделка. Это была лишь первая часть оплаты.

— Да пошел ты к черту! — выкрикнула я, чувствуя, как слеза катится по щеке.

И рванулась в сторону, огибая его. Бросилась бежать прочь. Мои шаги сопровождались шуршанием по гравию, а вслед мне доносился лишь тихий смех.

Глава 7: Глоток свободы

После того вечера в оранжерее особняк Александровых погрузился в суету, которая стала для меня спасением. Артур получил свои безупречные результаты экзаменов, Леон сдал всё без троек, и дом завертелся в вихре приготовлений к их отъезду.

Накануне их отбытия в Италию в поместье прогремел грандиозный праздник в честь выпускного Артура. В особняк съехались десятки гостей: дорогие машины загрохотали всю подъездную аллею, из окон парадной гостиной звучала музыка, басы которой тяжелой вибрацией отдавались в полу моей комнаты. Я весь вечер безвылазно просидела у себя, заперев дверь на задвижку и натянув наушники. Боялась случайно столкнуться в коридоре с Артуром. Я злилась на него, на себя за то, что не могла забыть тепло его рук.

На следующее утро, когда солнце едва поднялось над вершинами деревьев, вышла в коридор со шваброй и ведром. Дом еще спал после ночного буйства. В холле меня встретила бабушка. Она выглядела уставшей.

— Доброе утро, Есения, — негромко произнесла она, поправляя волосы. — Сегодня ночью хозяева уезжают в Италию. Поэтому с завтрашнего дня наш график поменяем на более щадящий режим. Работы будет меньше, так что сможешь больше времени уделять подготовке к школе и отдыху.

Когда следующей ночью бронированные и наглухо затонированные внедорожники Александровых покинули территорию поместья, а ворота закрылись за ними, я впервые за последние пару месяцев сделала глубокий, полноценный вдох.

Особняк словно сбросил с себя тяжелые оковы. Напряжение, которое невидимым прессом давило на плечи каждого, кто здесь находился, мгновенно испарилось. При этом мы продолжали работать — никто не отлынивал. Все трудились на совесть, но атмосфера в доме стала удивительно легкой, почти домашней. Больше не нужно было ходить на цыпочках, не нужно было прятаться по углам и замирать при звуке шагов.

Лето заиграло для меня новыми красками. Моим любимым местом стала огромная, пустая библиотека. Днем, когда солнце палило нещадно, я забиралась с ногами в глубокое широкое кожаное кресло, выбрав с полок приключенческий роман или классику, и читала часами. Затем вытирала пыль, но теперь это не казалось мне каторгой. Гладила корешки книг пальчиками, представляя себя временной хозяйкой этого бумажного царства. И в оранжерее я больше не работала в спешке. Заваривала себе какой-нибудь необычный чай, садилась в ротанговое кресло у пруда и просто любовалась орхидеями. Без страха, что сюда ворвется Леон со своими мерзкими друзьями.

А еще я наконец-то смогла искупаться в бассейне. В один

из особенно жарких июльских дней Лиза подмигнула мне, дав добро:

— Иди поплавай! Никто не будет против.

И я решила. Надела свой старый купальник и нырнула в прохладную, кристально чистую воду. Я плавала на спине, глядя на безоблачное голубое небо, и впервые за долгое время чувствовала себя простой девчонкой, у которой впереди целое лето.

Днем я часто созванивалась с Полиной. Теперь мне можно было не шептаться в комнате. Я сидела на бортике бассейна, болтая ногами в воде, и смеялась во весь голос, слушая её рассказы о дачных приключениях.

С бабушкой мы тоже заметно сблизились за эти недели. Она стала мягче. Больше не требовала от меня ежеминутного отчета и даже пару раз приготовила для меня очень вкусный черничный пирог.

В середине июля она тихо вошла в мою комнату вечером с предложением:

— Завтра у нас выходной. Поедем в город? В квартиру твоих родителей. Нужно проверить коммуникации и забрать пару вещей.

Готова ли я была возвращаться туда? Я не знала. Но кивнула.

На следующий день мы приехали в старый район. Серые

пятиэтажки, зеленые дворы с покосившимися качелями — всё это казалось мне теперь призраком из прошлой жизни. Когда мы поднялись на третий этаж и бабушка вставила ключ в замочную скважину, у меня задрожали колени. Бабушка открыла дверь и отступила назад, пропуская меня вперед. Я переступила порог и замерла. В нос тут же ударил запах, который я узнала бы из тысячи — запах моего детства. Разница была только в том, что этот запах теперь казался застоявшимся и безжизненным.

В прихожей всё оставалось так же, как в тот день, когда мы уезжали. На вешалке сиротливо висела папина легкая ветровка, под ней стояли мамины летние туфли, которые она так любила. На тумбочке у зеркала лежала забытая связка ключей и открытая пачка мятных конфет. Время здесь словно застыло, законсервировалось в пыли, которая тонким серым слоем покрывала каждую поверхность.

Я медленно прошла в гостиную. На журнальном столике лежала недочитанная папой книга со скомканным уголком страницы вместо закладки. Рядом стояла пустая кружка с темным ободком от высохшего чая на дне. Мама так и не успела её помыть.

Я провела пальцем по деревянной поверхности стола, оставляя чистую полосу на серой пыли. Мои глаза застлали слезы. Они катились по щекам, капая на пол.

Затем я прошла в свою комнату. Мой письменный стол, разбросанные тетради, постеры с любимыми рок-группами

на стенах. Всё это казалось мне чужим, принадлежащим какой-то другой девочке, которая умерла вместе с родителями на той трассе. На кровати сидел мой старый плюшевый медведь с давным давно оторванным ухом. Подошла, взяла его в руки и прижала к себе, утыкаясь носом в его изрядно потрепанный мех. Он пах родным домом.

Я опустила на колени прямо у кровати и разрыдалась. Громко, навзрыд, не сдерживая больше ту боль, которую так долго копила в себе под холодными сводами особняка. Я плакала по утерянному раю, по воскресным утратам, по маминим объятиям и папиным глупым шуткам. По миру, который разрушился в один миг и который больше никогда, ни при каких обстоятельствах не вернется.

Бабушка тихо вошла в комнату. Она не стала меня обнимать — не уверена, что она вообще умела этого делать — просто села рядом со мной на пол. Её ладонь легла на мою дрожащую спину, и затем медленно, успокаивающе погладила меня, пока мои всхлипы не стали тише.

— Поплачь, — тихо, со скрытой грустью произнесла она, и я впервые услышала, как дрожит её собственный голос. — Поплачь. Нам обеим нужно это выплакать.

Мы просидели в этой пыльной, заброшенной квартире несколько часов. Это посещение принесло мне разрывающую грусть, но вместе с тем и странное облегчение. Мое прошлое не исчезло. Оно было здесь, запертое на замок. И это дало мне силы вернуться обратно в особняк Александровых.

Теперь я знала, ради чего должна быть сильной. Ради этого пыльного, теплого уголка, который однажды снова станет моим настоящим домом.

Когда мы вернулись из нашей квартиры в поместье, я ожидала, что меня снова накроет волна тоски. Но, к моему удивлению, этого не произошло. Наоборот, внутри словно разжалась какая-то тугая, ржавая пружина. Мои слезы, пролитые на полу в старой детской, смыли боль, которая мешала мне дышать все это время.

Боль не исчезла совсем — глупо было бы надеяться на такое чудо. Она просто изменилась. Я даже наконец-то смогла смотреть на фотографии родителей в телефоне не с желанием закричать от несправедливости, а с грустной улыбкой. Начала вспоминать их голоса без спазмов в горле, которые парализовали меня раньше. Я медленно, шаг за шагом, училась жить заново в этой новой реальности.

Тем временем лето катилось к закату, незаметно перешагнув порог августа. Воздух стал суше, по вечерам в саду пахло прелой травой, а солнце опускалось за горизонт всё раньше, окрашивая небо в багровые тона.

В начале августа я решила на отчаянный шаг. Мне жутко захотелось вырваться из этого особняка хотя бы на один день, чтобы почувствовать себя нормальным подростком. Поэтому я подошла к бабушке в её кабинете, когда она заполняла отчеты по расходам на продукты.

— Бабушка, — тихо начала я, переминаясь с ноги на ногу

у двери. — Полина звала меня к себе в гости. С ночевкой. Можно мне поехать? Всего на один день. Я сделаю всю свою работу заранее, обещаю.

Анна Николаевна оторвала взгляд от бумаг. Её строгие глаза долго изучали мое лицо, словно взвешивая все «за» и «против». И я уже ожидала отказа. Но бабушка лишь тяжело вздохнула и аккуратно закрыла папку.

— Хорошо, Есения, — негромко произнесла она. — Ты хорошо трудилась весь июль, и Марта тебя хвалила за помощь. Я отпущу тебя. Но при одном условии: сама отвезу тебя к Полине. Мне нужно убедиться, что ты будешь в безопасности.

Я едва не запрыгала от радости, но сдержалась, лишь благодарно кивнув:

— Спасибо, бабушка. Спасибо большое.

На следующий день, собрав свой старый рюкзак, я села в служебную машину. Дорога до города пролетела незаметно. Бабушка молчала, сосредоточенно глядя на дорогу. Мы припарковались у типичной кирпичной девятиэтажки, где жила Полина. Бабушка поднялась со мной на этаж, поздоровалась с мамой Полины, вежливо, но сухо обсудила время моего возвращения и, погладив меня по плечу на прощание, уехала.

Как только дверь квартиры закрылась за бабушкой, Полина с визгом бросилась мне на шею.

— Сеня! Ты приехала! Настоящая, живая! — она кружила меня по крошечной прихожей, и я не могла сдержать счастливого смеха.

Этот день стал для меня настоящим глотком чисто подростковой жизни. Мы с Полиной весь день бродили по городу. Ели дешевое мороженое в стаканчиках, сидя на скамейке в парке, болтали обо всем на свете, смеялись над прохожими и глупыми шутками. Вокруг нас текли толпы обычных людей, шумели машины, звенели трамваи — и этот шум казался мне самым прекрасным звуком на свете после мертвецкой тишины особняка. Затем зашли в кинотеатр на какую-то дурацкую комедию, купили огромное ведро попкорна и хохотали до слез над нелепыми шутками героев. Я ловила себя на мысли, что впервые за несколько месяцев мне не нужно оглядываться по сторонам, не нужно контролировать каждый свой шаг и жест. Я просто гуляла со своей лучшей подругой.

Вечером мы вернулись к ней домой. Мама Полины приготовила для нас огромную домашнюю пиццу с тонной сыра, и мы ужинали на маленькой, уютной кухне, заваленной кухонной утварью, приправами и какими-то забавными магнитиками на холодильнике. Здесь было так тепло, шумно и так по-настоящему, что у меня на секунду защемило в груди от ностальгии по моей прошлой семье. Отец Полины расспрашивал меня о моих планах на школу. Они не относились ко

мне с жалостью — просто приняли меня в свой круг и делились своим домашним теплом.

Позже, закрывшись в комнате Полины, мы устроили настоящую девичью ночевку. Её комната была прекрасным уютным местом: стены, обвешанные плакатами, гирлянды с теплым светом, горы мягких игрушек и разбросанная одежда. Мы лежали на полу на куче подушек, смотрели на светящиеся на потолке фосфорные звезды и болтали до глубокой ночи. Хихикали, обсуждая мальчиков из моего, уже бывшего, класса, строили планы на будущее и делились самыми сокровенными страхами.

— Сеня, ты так изменилась, — тихо произнесла Полина, поворачивая ко мне голову в полумраке комнаты. — Стала какой-то... взрослой, что ли. Но мне так приятно видеть, что ты не забыла, как смеяться.

Я улыбнулась, глядя на мерцающие огоньки гирлянды.

— Я просто поняла, Поля, что если буду только плакать, этот дом сожрет меня. А я должна быть сильной. Ради мамы и папы. И еще ради себя тоже.

Мы заснули только под утро, когда небо за окном начало медленно окрашиваться в нежно-розовые тона рассвета. Я спала крепко, без кошмаров, убаюканная ощущением безопасности и тепла.

На следующий день пришло время возвращаться. Сборы были грустными, мне не хотелось уезжать от них. Папа По-

лины сел за руль старенькой машины, мама устроилась рядом, а мы с Полей забрались на заднее сиденье, продолжая шептаться.

Когда машина выехала за город и свернула на трассу, ведущую к элитному поселку, атмосфера в салоне постепенно изменилась. Пейзаж за окном становился всё более пафосным, заборы росли, а деревья приобретали идеальную, искусственную форму. Родители Полины невольно притихли, с любопытством и некоторой опаской разглядывая роскошные виллы за высокими заборами.

Наконец мы подъехали к огромным воротам. Машина остановилась у будки охраны. Высокий охранник в строгой форме внимательно изучил документы отца Полины, заставив его опустить стекло.

— К кому вы? — строго спросил он.

— Мы привезли Есению, внучку Анны Николаевны, — быстро ответила мама Полины, сжимая сумочку в руках.

Охранник посмотрел на меня на заднем сиденье, узнал и коротко кивнул, нажимая на кнопку пульта. Тяжелые кованные ворота со скрипом начали медленно расходиться в стороны, открывая вид на огромный, безупречный особняк, утопающий в зелени идеального сада.

Я видела, как округлились глаза отца и матери Полины, когда они медленно поехали по подъездной аллее. Огромный дворец из белого мрамора с колоннами и панорамными окнами подавлял своим величием.

— Боже мой... — тихо прошептала мама Полины, прижимая ладонь к губам. — Сеня... ты действительно здесь живешь? Это же... это целый замок.

Папа Полины промолчал, но его пальцы крепче сжали руль. На его лице читалось явное беспокойство.

Машина остановилась у бокового входа для персонала. Я начала собирать свой рюкзак, чувствуя, как внутри снова медленно сжимается холодный комок привычного напряжения. Моя сказка закончилась. Пора было возвращаться в реальность.

Полина крепко обняла меня на прощание, шепча на ухо:

— Держись, Сеня. Я всегда с тобой. Пиши мне каждый день.

Я благодарно кивнула, с трудом сдерживая подступившие слезы.

— Спасибо вам. За всё.

И вышла из машины, закинув рюкзак на плечо и захлопнув дверцу. Они медленно развернулись на гравии и поехали к воротам. Я стояла на дорожке, глядя им вслед, пока машина не скрылась из виду совсем.

Я повернулась и посмотрела на свой нынешний "дом". Он всё еще был огромным, величественным и холодным. Но у меня был еще и мой маленький мир, который грел меня изнутри: мои друзья, моя память о родителях. И с этой силой

я сделала первый шаг по направлению к двери цокольного этажа, готовая к новому учебному году и к тому, что принесет мне эта осень.

Сказка закончилась в двадцатых числах августа. Тишина, к которой я так привыкла за эти чудесные, наполненные солнцем и книгами летние месяцы, была грубо разорвана ревом мощных двигателей. К воротам поместья один за другим подкатили три черных внедорожника.

Особняк мгновенно ожил, наполнившись суетой, шумом шагов, хлопаньем дверей и громкими голосами. Вернулись все. И не одни. Вместе с хозяевами приехала целая толпа гостей: деловые партнеры Михаила Юрьевича, подруги Елены Александровны и, конечно же, шумные компании друзей Артура и Леона. Дом снова превратился в бурлящий улей, где для меня больше не было безопасного места.

Я мгновенно замкнулась в себе. Вся моя летняя свобода испарилась, уступив место привычному, защитному панцирю. Я снова начала прятаться по углам, передвигаться по коридорам цоколя, как тень, и тщательно выверять каждый свой шаг, чтобы не столкнуться с кем-то из «золотой молодежи». Не хотелось возвращаться в эту невидимую клетку после того, как я почти два месяца дышала полной грудью.

А мое везение закончилось на третий день после их возвращения. Я несла стопку чистых скатертей в бельевую для глажки, когда в узком, полутемном переходе около библиотеки меня перехватил Артур. Он возник словно из-под зем-

ли, бесшумно преградив мне путь. На нем были дорогие джинсы и черная футболка, а в глазах горел огонь, который я так надеялась больше никогда не увидеть.

— Ну привет, — негромко произнес он, нависая надо мной. — Как провела лето?

Я сжала скатерти в руках так сильно, что заболели пальцы. Опустила голову, пытаясь обойти его, но он преградил мне дорогу, сделав шаг в сторону.

— Без вас было лучше, — выговорила я, глядя на его кроссовки.

Артур тихо усмехнулся.

— Дерзишь?

— Правду говорю, — я наконец подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза, стараясь скрыть дрожь. — Чего скрывать. Весь июль в доме было спокойно и хорошо. А теперь... снова этот цирк.

Артур наклонился ближе.

— Если ты такая дерзкая, Есения... что же ты тогда прячешься по углам последние три дня? А? Бегаешь от меня?

Я замерла, не зная, что ответить. Его близость снова парализовала меня, лишая воли и способности мыслить рационально. Его глаза скользнули по моему лицу, задерживаясь на губах.

— Молчишь? — прошептал он.

В следующий миг его горячая рука легла на мою талию, притягивая к себе, а пальцы второй руки крепко обхватили мой подбородок, заставляя запрокинуть голову. Я выронила все от неожиданности, и прежде чем я успела издать хоть какой-нибудь звук, Артур снова поцеловал меня. Настойчиво, властно, забирая мое дыхание без остатка. Этот поцелуй был еще более обжигающим и требовательным, чем в оранжерее. Мое сердце заколотилось набатом, в голове зашумело, а тело пронзила волна тепла. Я попыталась оттолкнуть его, но он лишь крепче сжал свои объятия, подчиняя меня своей воле.

Когда он наконец отпустил меня, тяжело дыша, я сделала шаг назад, едва не упав. Мои губы горели, щеки пылали.

— Ненавижу тебя! — вполголоса, но со всей накопленной злостью выпалила я ему прямо в лицо. — Ненавижу!

Артур снова тихо рассмеялся, как это было перед отъездом, глядя на мою ярость с высокомерным удовольствием. Я наспех собрала скатерти, которые уронила на пол, развернулась и бросилась бежать к себе в комнату.

Запершись у себя, упала на кровать, обхватив голову руками. Что же делать?

Ответ пришел вечером того же дня. На кухне слуги за ужином шепотом обсуждали планы хозяев.

— Артур улетает в первых числах сентября, — тихо гово-

рила Лиза, протирая стаканы. — Михаил Юрьевич отправляет его на учебу за границу.

В этот момент до меня дошел весь ужас моего положения. Мое сердце ухнуло в ледяную пропасть. С его отъездом Леон... Леон окончательно загнобит меня. Защита Артура исчезнет вместе с ним. А Леон и его мерзкие дружки, которых я видела у бассейна, будут учиться со мной в одной школе. Я не смогу учиться там спокойно. Они превратят мою жизнь в сущий ад, и не заступится за внучку экономки.

Решение созрело мгновенно. Я должна сбежать.

Достала телефон и быстро набрала Полину. Мой голос дрожал, когда я шепотом излагала ей свой сумасшедший план.

— Поля, я должна уйти. Хочу сбежать в квартиру родителей. Там пусто, меня там никто не будет искать.

— Сеня... — Полина на секунду замолчала, но её желание помочь оказалось сильнее страха. — Да. Ты права. Беги. Я помогу тебе. Я закажу тебе такси через приложение со своего телефона, чтобы твоя бабушка не смогла отследить вызов по твоей симке. Только как ты попадешь в квартиру? У тебя же нет ключей!

— Я украду их, — твердо ответила я. — Ключи от нашей квартиры лежат в сейфе у бабушки в кабинете. Сейф старый, она часто оставляет его открытым, когда заполняет отчеты вечером. Я знаю, где лежит связка. Сегодня ночью я сделаю

это.

Мы договорились о времени. Полтретьего ночи. Самое глухое время, когда даже охранники на воротах теряют бдительность, а в доме все спят беспробудным сном.

Весь оставшийся вечер я готовилась. Мое сердце колотилось так, словно готово было выпрыгнуть из груди. Я совершенно не думала, что буду делать дальше. После того, как доберусь до квартиры. Страх перед самым младшим Александровым застилал разум.

Около полуночи, когда особняк погрузился в тишину, я достала из-под матраса свою старую одежду — любимую, которую я прятала от бабушки всё это время. Мои старые потертые джинсы, свободная черная толстовка с капюшоном и удобные кеды. Одевая их, я словно возвращала себе свою настоящую личность. Я снова была собой.

Собрала маленькую спортивную сумку: пара сменных вещей, зарядка для телефона, немного денег, которые бабушка выдавала мне на карманные расходы, и, конечно же, треснувшую рамку с фотографией родителей.

В полночь я бесшумно выскользнула из своей комнаты, чтобы забрать ключи. Шла на цыпочках по холодному паркету, замирая от каждого шороха. Дверь комнаты бабушки была приоткрыта. Сердце ускорило ритм.

Простояв долгое время в темноте коридора за шкафом, я выждала момент, когда бабушка вышла в уборную, и скользнула внутрь, как тень. На столе тускло светились настоль-

ная лампа, как будто бабушка отошла ненадолго. Дрожащими пальцами я залезла внутрь верхней полки открытого сейфа, нащупала тяжелую связку ключей с характерным брелоком в виде домика — ключи от нашей квартиры. Аккуратно, стараясь не греметь металлом, я сняла их с кольца и сунула в карман толстовки.

Получилось!

Выскользнула из кабинета и вернулась в свою комнату. Телефон завибрировал. Времени оставалось мало. Сообщение от Полины: «Белая Тойота, номер 348. Будет у боковых ворот через 10 минут!»

Накинув капюшон на голову, закинула сумку на плечо и сделала глубокий вдох. Назад дороги не было. Я открыла дверь своей комнаты и бесшумным призраком двинулась по коридору к выходу для персонала, готовая сделать свой главный шаг к свободе. В момент, когда я кралась мимо окон гостиной, мне показалось, что весь дом следит за мной сотнями невидимых глаз. Но я продолжала идти вперед, сжимая в кармане холодные металлические ключи.

Глава 8: Попытки бегства

Каждый мой шаг по плитам цокольного этажа отдавался в голове пушечным выстрелом, хотя на деле я ступала почти бесшумно. Миновала гостиную, шарахаясь от тени мебели. Добралась до бокового выхода для персонала. Мои пальцы, дрожащие от ледяного озноба, нащупали задвижку. Еще секунда — и я буду снаружи. Еще секунда — и я вдохну воздух, который не пахнет этим особняком.

Толкнула дверь. Она поддалась с тихим, жалобным стоном, и в лицо ударила ночная прохлада. Обошла основной вход в дом и направилась в сторону въезда на территорию особняка. Но в тот же миг, как я сделала шаг на гравийную дорожку, тишину ночи разрезал резкий звук мотора.

Замерла, вжавшись в тень массивного куста гортензии. Около меня остановился синий спортивный автомобиль — тот самый, который подарили Артуру на окончание школы. Фары на секунду осветили меня, выхватив из темноты фигуру. Я в ужасе застыла, понимая, что бежать некуда.

Дверца хлопнула. Артур вышел из машины. Он выглядел как оживший кадр из фильма: расстегнутый пиджак, всклоченные от ветра волосы, взгляд устремлен прямо на меня. Он не выглядел пьяным, но на вид был очень злым.

— Ты куда собралась в такое время? — его голос прозвучал слишком громко для ночи.

Я вскинула голову, пытаюсь придать себе уверенности, хотя внутри всё дрожало от ужаса.

— Тебе какое дело? — огрызнулась я, сжимая ремешок сумки до боли в пальцах.

Артур одним рывком выхватил у меня сумку. Она полетела на траву, и из неё предательски выпали вещи.

— Убегаешь? Серьезно? — он усмехнулся, глядя на меня сверху вниз с нескрываемым презрением. — Ты по сторонам смотрела? Тут охрана, везде камеры.

— Какая разница! — я шагнула вперед, пытаюсь собрать вещи обратно в сумку. — Через десять минут меня уже не будет, такси уже ждет!

— Как ты собираешься проходить через пост? — он подошел вплотную, заставляя меня отступить к холодной кирпичной стене. — У тебя даже пропуска нет. Чем ты думаешь вообще?

Я посмотрела ему в глаза, чувствуя, как слезы бессилия подступают к горлу.

— Так помоги мне тогда, если такой умный! — выпалила я. — Я тут лишняя, я это знаю. Тебе же самому только лучше будет, если я исчезну и не буду путаться под ногами!

Артур на секунду замолчал, его взгляд смягчился, но лишь на миг.

— К тебе тут плохо относятся что ли? — спросил он, почти спокойно. — Кров есть, еда есть, одежда — всё, что нужно. А ты с ума сходишь. О бабушке своей подумала? Ты её представишь в первую очередь.

— А тебе-то что до неё? — парировала я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Тебе плевать на нас обеих!

— Да ничто, — со злостью швырнул слова Артур, глядя мне прямо в глаза. — Фигней просто страдаешь. Иди в дом.

— Нет, — я сделала шаг к воротам, голос мой сорвался. — Я уйду. И меня никто не остановит. Не сегодня — так завтра.

— Стой, — он резко перехватил меня за запястье, не давая двинуться с места. — Послушай. Ты Леона боишься? Я уже поговорил с ним. Он к тебе больше не подойдет. Объясни, в чем причина?

Я выдохнула, чувствуя, что терять мне уже нечего.

— Ты улетишь за границу, — я смотрела на него с вызовом. — И я сразу останусь без защиты. Я же понимаю это! Леон — это Леон, он не успокоится!

Артур нахмурился, его пальцы на моем запястье сжались чуть крепче.

— Тебе не о чем беспокоиться. Я дал слово.

— Ты сам, похоже, не понимаешь, как и что думает твой

брат! — я дернулась, пытаюсь высвободиться. — Он сделает мою жизнь невыносимой, как только ты сядешь в самолет!

Он пристально посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то странное — смесь досады и... чего-то другого.

— Давай так, — произнес он, опуская руку. — У нас с тобой соглашение. Я еще ни разу не озвучил свое желание в счет этой сделки. — Я хотела возмутиться, высказавшись о его непрошенных поцелуях, но Артур не дал вставить ни слова. — И вот оно: я хочу, чтобы ты осталась здесь. По крайней мере до совершеннолетия, пока дурь из башки не выйдет. Ты не будешь пытаться убежать. Это небезопасно, включи мозг! Я, в свою очередь, даю слово, что тебя не тронут даже после моего отъезда. Ни Леон, ни кто-либо еще.

Я замерла, вглядываясь в его лицо.

— Даешь слово? — тихо спросила я.

— Даю, — отрезал он, глядя в упор. — А теперь иди спать. И не заставляй меня менять свое решение.

Он развернулся и пошел к машине, а я осталась стоять в темноте, чувствуя, как этот разговор перевернул всё с ног на голову. Я была в безопасности — или в еще большей ловушке?

Вернувшись, я позвонила Полине, объяснила ситуацию и всю оставшуюся ночь просидела на кровати, обхватив колени руками. Сон не шел. Я чувствовала себя разбитой. План

провалился. При этом я думала о словах Артура.

Утром, едва дождавшись рассвета, я прокралась в кабинет бабушки и незаметно вернула ключи в сейф.

За завтраком бабушка была непривычно деловита и сурова.

— Есения, с сегодняшнего дня всё меняется, — заявила она, даже не глядя на меня. — Летние вольности закончились. Ты будешь заниматься с репетиторами, чтобы подтянуть знания до нужного уровня. Твой график работы изменится: в будни ты будешь уделять всё время учебе, помогать только по мелочам. Но на выходных надо будет вести полную зону ответственности по дому.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, будто что-то подозревая, но лишь добавила:

— И мы сегодня едем по магазинам за формой и учебниками. Собирайся.

Весь день прошел в суете: торговые центры, бесконечные примерки, стопки дорогих тетрадей. Я смотрела на свое отражение в зеркале — строгий пиджак, белая рубашка. Я выглядела как примерная ученица, как та, кем хотели меня видеть. Но внутри меня всё еще горел пожар.

Последние дни августа обрушились холодной моросью, которая казалась мне предвестником конца. Артур уезжал. Вся семья была в сборах: чемоданы, бесконечные звонки

Михаила, суетливые указания Елены. Особняк гудел, как встревоженный улей, и в этой суматохе я чувствовала себя абсолютно потерянной. Моя безопасность теперь висела на волоске, на одном-единственном слове, которое он бросил мне ночью.

Артур покидал дом рано утром. В холле уже стоял багаж — огромные черные чемоданы. Елена Александровна в слезах обнимала сына, Михаил сухо похлопал его по плечу, выдав какую-то напутственную речь о бизнесе. Я стояла в тени колонны, стараясь быть невидимой.

Когда родители отошли к машине, распоряжаясь загрузкой вещей, Артур на мгновение остался один. Он медленно повернулся, и его взгляд выцепил меня в полумраке холла. Подошел, не спеша, будто в его распоряжении была вся вечность. Я чувствовала, как внутри меня что-то сжимается — это был коктейль из страха, облегчения и какой-то странной, ноющей пустоты.

— Улетаю, — коротко бросил он, остановившись в паре шагов. Его лицо было привычно бесстрастным, но в серых глазах читалось что-то, чего я не могла расшифровать.

— Я вижу, — ответила я, пряча руки за спину.

Он сделал резкий вдох, словно собираясь сказать что-то важное, но передумал. Вместо этого сократил расстояние со словами:

— Не забывай, — его голос стал почти угрожающим. — Ты дала мне слово. Я буду следить за тобой.

Затем грубо коснулся моего подбородка, заставляя смотреть на него. Его пальцы спустились к моей щеке — жест был таким нежным, несвойственным ему. Затем он развернулся и, не оглядываясь, вышел под проливной дождь. Дверь машины захлопнулась с глухим стуком и буквально через минуту особняк Александровых погрузился в мертвую тишину.

Я осталась стоять в пустом холле. Внутри меня было пусто, как в заброшенном склепе. Его уход не принес мне свободы, о которой я так мечтала. Он принес мне осознание того, что теперь я привязана к нему незримой, но невероятно прочной цепью обещания.

Я смотрела из окна, как хвост его автомобиля скрывается за коваными воротами, и чувствовала, как с каждым метром мое сердце будто вырывают из груди. Я ненавидела его за это. Ненавидела за то, что он стал моим тюремщиком и моим защитником в одном лице. Ненавидела за то, что без него этот дом вдруг стал не просто местом заточения, а абсолютно пустым и неудобным замком, где мне больше не за кого было цепляться.

Я медленно побрела в свою комнату в цоколе, понимая, что впереди у меня длинный и скорее всего непростой учебный год. Артур улетает за тысячи километров, оставив меня наедине с моими страхами, с Леоном и с моим собственным, теперь уже окончательно разбитым сердцем. Я была заперта в тишине особняка, и единственным, что у меня осталось — это его обещание и давящее чувство ожидания, которое те-

перь будет преследовать меня до самого его возвращения.

Глава 9: Совершеннолетие

Прошли четыре года. Четыре года, за которые этот особняк превратился из моей личной тюрьмы в мой тренировочный полигон, где я выковывала саму себя. Сегодня мне исполнилось восемнадцать. День совершеннолетия, который казался мне в тринадцать лет недостижимой, почти мифической вершиной, наконец-то наступил.

Я лежала в постели, слушая, как ноябрьский дождь мерно барабанит по стеклу. В комнате было темно, лишь тусклый свет уличного фонаря пробивался сквозь щель в зашторенном окне. И вспоминала ту маленькую, запуганную девочку, которой я была, когда впервые ступила на эту территорию. Сегодня я уже была совсем другая Есения: с прямой спиной, ледяным спокойствием в глазах и сердце, которое за эти годы научилось биться ровно даже в моменты самой острой опасности. Я не просто выжила — я стала той, кого невозможно сломить.

Моя жизнь в школе была настоящей войной. Богатые дети оказались акулами, чувствующими «запах прислуги» за версту. Первые два года я часто вечерами рыдала в подушку от их подлости, от того, как они портили мои учебники, как шептались за спиной, как специально подставляли меня перед учителями. Но потом я изменилась. Я поняла: чем больше я демонстрирую боль, тем сильнее они бьют. И я пере-

стала показывать что-либо. Я отрастила «броню» из сарказма, показного спокойствия и абсолютного безразличия. Если меня пытались унижить, я смотрела прямо в глаза, не моргая, до тех пор, пока человек не чувствовал себя неловко. Я стала изгоем, но изгоем, которого боялись тронуть. Это был мой первый урок контроля над собственной жизнью и эмоциями.

Леон был особым испытанием. Когда Артур уехал, он решил, что теперь является моим полноправным хозяином. Первые месяцы были адом. Я помню вечер, когда он загнал меня в угол в библиотеке, угрожая сжечь мою книгу и запечатать в подсобке. Тогда я не заплакала. Я взяла тяжелый бронзовый пресс для бумаг, посмотрела ему прямо в глаза и произнесла тоном, от которого у него в миг перекошилось лицо:

— Попробуй, Леон. Но помни, если ты меня коснешься, я сделаю так, что об этом узнает весь город. У меня нет ничего, и терять мне нечего, зато у тебя есть фамилия семьи, которую ты так любишь марать своими выходками. Давай решим, что для тебя дороже — твое минутное развлечение или твое положение в этом доме и репутация родителей?

Леон был трусом. Он был силен, пока видел во мне жертву. Как только я перестала ею быть, его атаки стали слабеть, а потом и вовсе сошли на нет. Через два года после отлета Артура он сбежал учиться за границу, уставший от требований родителей «стараться и быть достойным».

А в след за ними поместье покинули и родители, навсе-

гда поселившись в доме в Италии. И лишь изредка появлялись тут вместе с сыновьями. За последние два года вся семья Александровых в полном составе собиралась в поместье всего пару раз, и эти визиты напоминали набеги урагана — шумные, стремительные и не длящиеся дольше пары суток. В такие дни особняк на мгновение оживал, наполняясь гулом голосов и запахом дорогого парфюма, но я открыто игнорировала присутствие братьев, виртуозно исчезая из их поля зрения в те самые секунды, когда они переступали порог. Я выработала безупречный инстинкт самосохранения: уходила в дальние фланги сада, закрывалась в библиотеке или просто пережидала их визиты в цокольном этаже, делая вид, что полностью поглощена учебой.

Однако, вопреки собственному решению стереть их из своей жизни, я не смогла отказать себе в слабости наблюдать за ними издалека. Каждый раз, когда во дворе раздавался рев мотора спортивной машины Артура, я подходила к окну своей комнаты, скрываясь за плотной тюлевой занавеской, и смотрела. Из этой безопасной точки я наблюдала за тем, как разительно менялся Артур. За эти годы он окончательно перестал быть подростком. Он возмужал, вырос, его плечи стали еще шире, а походка приобрела неторопливую, ленивую уверенность, которая выдавала в нем мужчину, привыкшего повелевать. Резкая линия подбородка, упрямо сжатые губы, широкие плечи — он становился очень привлекательным, и от одного взгляда на него мое сердце предательски ускоряло

свой бег.

Но эта привлекательность больше не вызывала во мне трепета. Внутри меня, прямо под ребрами, крепла концентрированная ненависть. Я смотрела на него сквозь стекло и помнила каждую секунду его лжи. Он не сдержал слова. Он обещал, что меня никто не тронет, обещал защиту, и не смотря на все обещания оставил меня один на один с жестокостью его младшего брата. Каждое издевательство Леона, каждое унижение в школе — всё это было на совести Артура, который так легкомысленно бросил мне свое «даю слово». Эта обида росла во мне, как сорняк, выжигая любые другие чувства и вызывая стойкое, почти физическое отторжение при одной только мысли о нем. Он был красив и богат, но для меня он оставался главным лжецом, чьему слову я больше никогда в жизни не поверю.

Зато отношения с бабушкой укрепились за эти годы. Она сильно сдала за это время. Превратилась в почти прозрачную старушку, чьи глаза часто подергивались дымкой усталости. Мы сблизились. Хотя и не вели долгих доверительных бесед, в наших отношениях появилось молчаливое уважение. Она знала, что я помогаю ей, когда она не видит, и ценила это по-своему, проявляя ответную заботу: «Чай на столе, иди отдохни». Я знала, что она отчасти винит себя за прошлое, и эта тихая боль, которую она носила в себе, делала нас еще ближе.

— С днем рождения, принцесса! — Полина ворвалась в

мою комнату, как ураган. В руках у неё был пакет с подарками, а на лице — сияющая улыбка.

— Тише ты! — я рассмеялась, выходя из оцепенения. Сегодня был мой день. Мы устроили настоящий пир, смеялись, болтали, вспоминая школьные моменты. Но ближе к вечеру Полина со свойственным ей любопытством спросила:

— Ты уверена, что хочешь подождать до весны? Мы можем уехать прямо сейчас. Я помогу тебе собрать вещи, мы просто соберем всё самое необходимое и исчезнем.

Я покачала головой, чувствуя невероятный покой.

— Нет. Я дождусь аттестата. Это вопрос чести. Мои родители учили меня доводить дело до конца.

— Тебе не зачем себя заставлять оставаться здесь, ты можешь доучиться, живя в родительской квартире, — в ее голосе было столько энтузиазма и азарта.

— Сейчас этот переезд будет мешать учиться, да и бабушку надо подготовить к этому.

Мы провели воскресенье в ленивой неге, наслаждаясь тишиной. Я знала, что уже завтра мне придется снова надеть маску, снова стать незаметной школьницей Есенией, но сегодня... сегодня я была просто собой.

И где-то глубоко внутри меня, среди переполняющих новизной чувств, все еще тлел уголек памяти о поцелуях Артура. Я гнала его прочь, уверяя себя, что ненавижу его, что он

— лишь часть моего ужасного прошлого, но сегодня, в день совершеннолетия, я впервые задала себе вопрос: что будет, если он вернется? Что, если сделка, которую мы заключили давным давно, еще не закрыта?

Но я тут же отмахнулась от этой мысли. Нет. Он уехал и забыл. Моя жизнь начинается здесь и сейчас, и больше никто, ни один Александров, не будет владеть моим временем, моим сердцем и моим будущим.

Я совершеннолетняя. И это было лучшее, что со мной случилось. Я чувствовала себя так, словно стояла на краю высокой скалы, готовая к прыжку, и мне было совершенно плевать на высоту. С каждым вдохом моя новая жизнь становится всё реальнее. Мой побег — не физический, а внутренний — уже состоялся. Я уже была свободна.

Глава 10: Возвращение короля

Предновогодние дни всегда пахнут предвкушением чего-то нового, но в пустом старом поместье этот запах последнее время смешивался с ароматом хвои и затишья. За окнами валил густой, пушистый снег, укрывая идеально подстриженные газоны тяжелым белым одеялом. Мы с бабушкой не ждали гостей и планировали встретить Новый год в тишине, собравшись маленькой компанией оставшегося персонала. Елена прислала бабушке короткую электронную открытку с поздравлением и сообщила, что они проведут праздники на горнолыжном курорте в Швейцарии. Леон тоже указал куда-то со своими университетскими друзьями, он, как и Артур, тут не появлялся уже больше года, и это можно было считать лучшим новогодним подарком для меня.

Особняк спал. Мы отключили отопление в большей части неиспользуемых помещений, оставив тепло только в цоколе и на кухне. Я ходила по пустым, темным залам в теплом вязаном свитере, наслаждаясь умиротворением. Впереди были последние месяцы жизни здесь. Через полгода я навсегда закрою за собой эти двери. Но покой был разрушен без предупреждения.

В шестом часу вечера, когда сумерки уже плотно окутали поместье, на подъездной аллее раздался неестественный шум. Я замерла у окна библиотеки, глядя, как сквозь метель

пробиваются яркие лучи фар машины. Автомобиль резко затормозил у парадного входа. Дверца захлопнулась с характерным глухим стуком.

Приехал Артур. Без предупреждения. Один.

Я медленно спустилась по большой лестнице в холле. Мои не были робкими и тихими — я ступала уверенно и с прямой осанкой. Тяжелая дверь распахнулась, впуская в теплый холл поток ледяной ветер и облако снежинок.

Он уже стоял на пороге.

За последний год очень изменился. Стал еще выше, еще шире в плечах, сменил стиль в одежде на более строгий. Лицо приобрело резкие, зрелые мужские черты, а на подбородке темнела аккуратная щетина. Он стянул кожаные перчатки, бросил их на консоль у входа и поднял голову.

Наши глаза встретились. Его серые глаза — те самые, что когда-то заставили меня согласиться на сделку — теперь смотрели на меня с удивлением. Он замер на секунду, скользя взглядом по моей фигуре, по моим распущенным темным волосам, лицу, на котором больше не было ни капли детского страха.

— Привет, Есения, — его голос стал еще глубже, бархатистее, от него по моей коже пробежали мурашки. — Ты... изменилась. Повзрослела.

Я заставила себя фыркнуть, сложив руки на груди. Моя маска хладнокровия не дрогнула ни на миллиметр.

— Конечно. Столько лет прошло, Артур. Люди имеют свойство расти и меняться, — сухо ответила я, глядя на него сверху вниз. — Ты приехал без предупреждения. Дом не готов к твоему визиту. Отопление в твоём крыле выключено, комнаты пылятся, а на кухне пусто.

Артур улыбнулся, снимая пальто. В каждом его движении сквозила царственная уверенность.

— Ничего страшного, — небрежно отозвался он. — Думаю, дом согреется быстро. Как твоя учеба? Ты вроде в этом году заканчиваешь школу, если не ошибаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.